

18+

Спасибо, что вы были
Данила Трофимов

Данила Андреевич Трофимов

Спасибо, что вы были

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39442048

SelfPub; 2018

Аннотация

Повесть рассказывает о последних школьных годах четырёх молодых людей из спального района Москвы. Хаос, сквозь который им приходится пройти перед выходом во «взрослую» жизнь, на каждом из них оставит свой отпечаток.

Спасибо, что вы были

Хлеб с майонезом

Дима зашёл в лифт и поднялся на девятый этаж.

Лестничная клетка со облупившейся краской на застарелых стенах – белый верх, зелёный низ. Напротив лифта – лестница, ведущая на чердак. *Мы там были однажды, там хорошо, ещё бы раз...* Справа и слева – решётки, чёрные, массивные, за каждой по две двери.

Всё, всё, всё. Спокойно. Чего я, как в первый раз?.. Звонок – круглый, белая кнопка с копотью: кто-то зажигалкой поджигал. Под звонком цифры: один, семь, восемь. *Наверно слишком быстро вот и нервно.* Он позвонил в дверь, а потом спустился в пролёт между этажами, открыл окно.

В подъезде зашумело городом. Дима снял гитару, болтавшуюся в чехле из синтетической ткани за плечом, и прислонил её к стене. Достал из джинсовой куртки сигареты. *Спокойно, спокойно...* За окном – спальный район, *таких в Москве – у-у-у!*

Напротив – девятиэтажка, серая, в трещинах и тоскливая, как две *грязных* капли, точно такая же, в какой сейчас, выглядывая из бело-серого окна, стоял и курил Дима. Чуть правее девятиэтажки – школа, сверху похожая на большую букву «Н», внутри и снаружи такая же серая, незаметная, как и эти две девятиэтажки. *Нравится, что когда она говорит, то может взять за руку, сесть на колени, но это плохо, очень плохо.*

На одном из балконов соседнего дома Дима увидел толстую женщину в белой ночнушке. Она сначала развешивала бельё, а потом ушла в комнату, и там кто-то ходил из стороны в сторону и резко размахивал руками. *Ссорятся наверно, и зачем люди ссорятся...*

Димин друг Яша жил в доме напротив. Родители Яши часто ругались, пока отец (бывший зэк) не допился до цирроза и не умер. На вопрос, зачем родители ссорятся, наверно, Яша бы ответил: «Чтобы их дети знали, как себя вести во взрослой жизни».

Сигарета кончалась, Дима с каждой затяжкой всё отчётливей чувствовал у пальца тепло огонька.

Как раздражают эти пальцы и ногти! Они аляпистые, пухлые и некрасивые. Медвежья лапа. Такими руками нельзя касаться её рук, тонких нежных с чёрным лаком, это ничего, что лак у неё иногда трескается, оттого они – руки – настоящие. Спокойствие.

От её рук всегда пахло чем-то сладким, и он, часто приклоняя после встреч с ней руку к носу, всё ещё чувствовал её запах. Она однажды сказала ему, что это за запах: запах сицилийского мандарина. Она сказала это тихо-тихо, как будто рассказала секрет всей жизни и при этом игриво улыбнулась, а он восторженно повторил: «*Сицилийский мандарин!*» Дима старался не курить левой, той рукой, которой больше всего пахнет ею. Хотя он был левша и курить привык левой. Её запах хотелось хранить до самой ночи, чтобы, засыпая, чув-

ствовать, что она за несколько километров, в другом доме, в другой постели спит, а всё равно рядом. И не одиноко сразу, и хочется засыпать, и засыпается спокойно. *Сегодня она снова будет сидеть на коленках, я опять поведу её до дома, и мы будем ехать в лифте, и... Спокойствие, тормози.* Заходя в лифт, он услышит, как гремят ключи, которыми она с обратной стороны закрывает решётку на лестничной клетке, и в этот момент опустеет всё: опустеет подъезд, опустеет дом напротив, опустеет школа буквой «Н», опустеет весь мир...

Дверь хлопнула. Она вышла. Магическая, прекрасная. Как всегда. Диме очень хотелось разгадать её секрет, её магию, за которую любили её все, кто имел счастье поговорить с ней хотя бы несколько минут. *Когда с ней говоришь, создаётся впечатление, что говоришь с родным человеком, от которого исходит теплота, искренность, участливость, светлость, доброта.*

Сегодня у неё были распущены волосы. Они – чёрные и волнистые.

– Привет, Дим, – сказала она.

– Привет, Кать, – Дима выкинул сигарету в окно и закинул на плечо гитару.

Они вышли из подъезда, и он снова закурил. Гитару с собой взял, скорее, для неё, а не для себя, потому что сам одновременно петь и играть не умел. А она однажды как-то вдруг решила, что надо научиться петь под гитару, и научилась за две недели, плохонько, но научилась! И запела, по-настоя-

щему запела. Дима очень любил слушать, как она поёт.

– Я купила вчера новую толстовку. Мне нравится, – сказала Катя.

– Как-то не очень своевременно. Тут в майке пока дойдёшь до магазина – уже весь мокрый.

– Ну, и не покажу тебе, значит, её.

– Нет, я очень хочу посмотреть.

– Хорошо, покажу потом. Она у меня дома. Сегодня у Ежа смена до пяти.

«Значит, – расстроился Дима, – долго не погуляем».

Катя на секунду взяла за руку Диму и сразу отпустила. Дима потянулся было за её рукой, но Катя убрала руки, бросив:

– Нельзя.

Дима кивнул.

Пока шли до метро, за ними увязалась дворняга. Сначала они не обращали на неё внимания, а потом Катя вдруг остановилась и спросила у Димы:

– Может, у тебя есть что-нибудь поесть?

– Бутербродов в чехле не завалилось, к сожалению.

Собака с оборванным ухом. Она приблизилась к Кате осторожно, и девушка погладила её по голове:

– Ты милашка! Извини, нет у нас ничего. Очень хорошая, ну-ну.

Ветер поднялся. Катины волосы распушились, и она спрятала от ветра лицо руками.

– А ты милый одуван! – рассмеялся Дима, едва касаясь

Катиной руки. – Пошли. Или, хочешь, в магазин зайдём, купим ей чего-нибудь?

– Нет, надо идти, опоздаем. Ты извини нас, собака, нам пора.

На улице потемнело. Того и гляди дождь должен был пойти. Погода непредсказуемая какая-то. Вчера всё утро солнце, днём – ливануло, лило до вечера. Вечером облака почти разошлись. Остались только красивые: красные-красные, небо – маслом. *Хороший знак, может подольше побуду с ней. Спокойно.*

Вот бы уехать с ней. Чтобы по ночам не – электрички и грузовые поезда, лязги об рельсы, и ци-ци-ци – в серванте хрусталь, чтоб не серный запах, который несёт с отстойников станции аэрации. Жить бы лучше в центре. Чтобы квартира на Тверской, чтобы из окна был виден Александр Сергеевич Пушкин, чтобы обязательно была мансарда (слово-то какое!), на которую с утра выходила бы Катя. А Дима к ней сзади подкрадывался и чувствовал любимый запах, да? Да! Такое было бы счастье, счастье...

Они зашли в метро. Дождались поезда. Катя села, Диме места не досталось, он стоял над ней. Катя сидела с закрытыми глазами, веки её были в блёстках и чёрные. Дима злился на толстого дядьку, который развалился рядом с Катей. Дядька постоянно вздрагивал, а Катя от каждого его вздрагивания хмурила лоб.

Однажды Катя сказала Диме, тихо-тихо, едва-едва, как

секрет всей жизни: «Твоё плечо как будто создано для моей головы, нам надо почаще вместе ездить куда-нибудь, чтобы я могла на нём лежать!»

Когда они вышли из метро, на улице светило солнце. *Солнце!* Катя танцевала, радуясь солнцу, она танцевала вокруг Димы, но вдруг остановилась, схватила его за руки и, глядя в глаза, сказала:

– Дим, ты такой задумчивый! Люблю задумчивых, но иногда скучно может стать. Тебе скучно со мной?

– Нет, совсем не скучно. Мне с тобой всегда весело, даже когда мы молчим. Я вот на тебя смотрю, пока мы едем в метро, а ты сидишь и не знаешь.

– Да ты маньяк, Дим! – рассмеялась Катя. – Давай танцевать!

Она снова начала весело кружить вокруг него, лёгкая и беззаботная.

– А ты мне сегодня поиграешь? – спросила она, сделавшись серьёзной.

– Уж лучше ты мне.

– Ты обещал. Я помню.

– Ладно, поиграю.

Они шли в офис компании, в которую хотела устроиться Катя. Четыре часа в день работы и три с половиной тысячи рублей за выход – всё, что она знала о работе. Зашли в четырёхэтажный дом и нашли нужный кабинет. В кабинете сидели несколько женщин за большими столами, заваленными

толстыми папками-файлами и бумагой.

Увидев Диму, одна из женщин попросила его подождать за дверью. Дима вышел и встал около двери кабинета, снял гитару, поставил её себе на ноги. Через пару минут вылетела Катя и радостно обняла Диму:

– Меня взяли! Взяли, взяли, взяли!

И она вновь кружилась, и волосы её пушились ещё больше. Дима обнял Катю. Они вышли из офиса, держась за руки.

– Завтра у меня первый день. Нужно ехать на другой конец Москвы, на Петраши.

– А что нужно делать?

– Просто улыбаться всем и раздавать буклеты.

– Да, работа вроде непыльная.

– И за четыре часа они дадут четыре тысячи! Даже больше, чем обещали! Я рада, и очень-очень.

– А я рад, что ты рада. Как раз будешь совмещать с институтом, когда поступишь. Теперь домой?

– Да, только я пока не знаю, будем ли мы сейчас гулять.

– Почему?

– Ты забыл про толстовку? – улыбаясь, спросила Катя.

В метро Кате и Диме удалось сесть вместе. Она положила голову на его плечо. *Как хорошо, жаль только, что мы не на кольцевой – тогда можно было бы так сидеть бесконечно.* После метро Катя сказала, что хочет всё-таки погулять, и они долго бродили по дворам, пока не сели на скамейку недалеко от детской площадки.

Катя поцеловала Диму, а потом попросила у него сигарету.

– Тебе же нельзя! – возмутился Дима.

– Я же не всегда курю.

Катя держала в руках сигарету и была похожа на поэтессу. Неземную, задумчивую и прекрасную в своём молчаливом курении. Затем они пошли на набережную и решили сесть на пристани, поближе к воде. Дима вытащил гитару и положил чехол на землю.

– Прошу, – он помог Кате сесть, а потом сел сам.

– Спой что-нибудь, Дим, – попросила Катя.

– Я не могу.

– Почему? – удивилась Катя.

– Я не умею, и вообще – стесняюсь тебя. Давай, может, лучше ты?

– Нет, я тебе и так часто пою. Теперь ты.

– Правда, я не могу.

– Это же совсем не сложно! Чего ты? Смешной... Давай, хочешь, я отвернусь. Или нет. Давай лучше ты отвернёшься, закроешь глаза и начнёшь играть.

– Это как-то глупо, Кать.

– Ничего это не глупо. Ты попробуй. Давай! Как ты будешь потом перед стадионами петь.

– Перед стадионами я рот не раскрою.

– Пой.

– Не могу.

– Тогда просто играй.

– Ладно. Я попробую.

– Не пробуй – делай.

И Дима заиграл. Играл песню, которую, он знал, хорошо знает Катя. И пела Катя. Её голос, раздуваемый ветром от воды. Дима открыл глаза и увидел солнце, которое масляно отражалось на воде. *Прекрасно, лучше не бывает.* Катя положила голову Диме на плечо. Она пела ему, а он играл ей. *Кажется, она улыбается. Слышу, улыбается. Ничего не важно. На другой стороне набережной ходят люди, они что-то делают: выгуливают собак, пускают воздушных змеев, пьют пиво, играют в волейбол. И не знают, насколько тебе повезло.* Песня кончилась. Дима отложил гитару и обнял Катю. Какой-то мужик с удочками, появившийся недалеко от ребят, пробасил одобрительно: «Хорошо поёте, клёв будет хороший». Катя засмеялась и спряталась за кудряшками. Она мяла пальцы Димы и пела, но вдруг остановилась и стала серьёзной, посмотрела на Диму:

– Мой отец, я его плохо помню, на этой набережной познакомился с мамой. Она гуляла с подругой, а навстречу он, и всё – любовь на всю жизнь. Вру, конечно, не было такого... *(её магический смех!)* Я мало что о нём знаю и почти совсем ничего не помню, а мама не рассказывает. Я помню только, мы с папой на озере рыбу ловили. Он учил меня снимать рыбу с крючка. Мне попалась маленькая рыбка. Я вытащила её сама, отложила удочку, держала леску. Рыбка барахталась в

воздухе, как будто всё ещё плыла. Папа сказал, что ей надо разорвать рот, она слишком глубоко заглотила крючок. Папа сделал это за секунду, я даже ничего сообразить не успела, и так безразлично сделал. Я расплакалась. Он меня обнимал, успокаивал и щекотал своей чёрной бородой. Когда я закрываю глаза и думаю о папе, я не вижу его лица, я вспоминаю, вижу только одну его чёрную бороду, помню, как плакала. Лица не вижу, хоть и очень стараюсь, а бороду – вижу. Папу убили из-за денег у дома, под аркой, он играл на курсах... Иногда я представляю, какой у папы мог бы быть голос. Я представляю его голос хриплым, прокуренным. Хочу, чтоб он сказал что-нибудь приятное, и мне стало хорошо. Прижал меня к себе и сказал: «Ты моя красавица».

Дима обнял Катю крепче. Солнце жёлтое и яркое, уже почти не грело, а небо – чистое, беззаботное – начало розоветь. Катя прошептала:

– Все люди хорошие. И ты хороший, конечно. Нет плохих людей. Люди хорошие, а поступки у них плохие. Нет в них зла, все добрые. Я это давно поняла, и хочется каждого обнять, напомнить: ты – хороший. У тебя такого не бывает? Ну чего ты улыбаешься, как дурачок! Вот хорошо, что мы не звери, а? Хорошо, что мы люди, и можем понимать, когда делаем плохие поступки. Но зверей я, кажется, ещё больше люблю. Хочется каждую собаку, помнишь, мы сегодня одну видели, к себе домой взять. Расчесывать ей шерсть, кормить... Ты знаешь, я иногда обнимаю деревья.

– Зачем это? – рассмеялся Дима.

– Вообще-то от них можно получить много положительной энергии.

Дима посмотрел на Катю внимательно чуть выше макушки. Он иногда любил так над ней подшучивать. Каждый раз, когда она замечала, что он смотрит выше её макушки, она хваталась за голову, пряча в кудряшках лоб, волнительно повторяла: «Что там, что там?» А Дима лишь улыбался в ответ. Тогда она хмурилась и ругалась на него: «Дурачок ты!»

Дима смеялся, Катя хмурилась, хмурилась и вдруг подскочила:

– Время – пять! Пошли!

Дима быстро убрал гитару в чехол и закинул её на плечо. Молодые люди заторопились в сторону Катиного дома.

– Что-то есть хочется, – пропела Катя на ходу.

– Мне тоже.

– Не могу даже торопиться, пока не поем. Давай зайдём в магазин?

– Давай.

– Хлеба купим. И майонеза.

– Хлеб с майонезом на улице? Я никогда ещё не ел на улице.

– А мы всегда так с Ежом делаем, когда денег нет.

– Ладно, пойдём.

Зашли в магазин, купили буханку хлеба и красный пакетик майонеза. Потом отправились на футбольное поле неда-

леко от Катиного дома. Катя разломала хлеб, открыла зубами майонез.

– На! – протянула Диме горбушку.

– Спасибо, – сказал он. – А почему мы не пошли посмотреть толстовку?

– Я тоже думала об этом. Но разве нам было плохо?

– Нет, прекрасно.

Просто прекрасно.

– На самом деле, я тоже в первый раз ем хлеб и майонез на улице, – прошептала Катя. – Просто позлить тебя хотелось!

И смеётся ещё. Ничего в этом смешного нет.

– Чего ты всё время смеешься?..

– Ну, не плакать же. Я больше радоваться люблю.

Они съели полбуханки хлеба, остальное Катя решила крошить во дворе своего дома у беседки, там голуби собираются. Только начала кидать крошки на землю – налетели.

Затем Катя с Димой подошли к дому: первый подъезд, второй, третий... Шли к пятому. Дима взял Катю за руку:

– С тобой – приятно и уютно. И...

– Привет!

Голос откуда-то сзади. Руки убрали в карманы. *Меня сейчас он убьёт, он же ненормальный, реально просто на месте убьёт. Ладно, спокойно.* Оглянулись как ни в чём не бывало. На скамейке рядом с третьим подъездом сидел парень.

– Ёжик, – голос Кати дрожал, – а ты чего здесь?

– Время почти шесть. С работы приехал, – парень не под-

нимал головы, читал книгу. – Домой не хотел идти, книжку новую купил.

– Что читаешь?

– «Тошнота», тебе не понравится.

– А я с собеседования.

– Да, я её провожал, – виновато добавил Дима.

– Он меня провожал, – подтвердила Катя.

– Ясно. Я дочитаю главу, к тебе зайду.

Молча пошли. *Не могу так больше. Наверное, он не заметил, потому что если бы заметил, то сразу бы – в морду. Точно, не заметил, но как это можно было не заметить: мы шли... он окликнул – всё он видел!*

Прощаясь с Катей, Дима потянулся к ней, чтобы поцеловать в щёку на прощание...

– Давай не будем, – увернулась она. – Пока.

Катя вошла в подъезд. Тяжелая серая дверь захлопнулась, а домофон всё ещё продолжал пищать. Вот и весь мир замолчал, оставив Диму наедине с самим собой.

Надо пойти поговорить в ним.

Надо разобраться.

Надо поговорить.

Надо...

Зазвонил мобильный телефон. Дед звонит. Дима взял трубку. В трубке – что-то неразборчивое, голос деда *пьяный что ли не пойму странно алло дед чего такое говори ну не слышу не понимаю алё ты чего пьяный или чего?*

Дима бросил трубку. Через полминуты опять звонок.

– Дед, чего там у тебя случилось? Что там?

В ответ – хрип.

– Ты чего, дед?

Услышал, кажется: «Плохо мне». *Плохо как плохо что делать что я могу нужно бежать. Так. Спокойно. НЕТ КАКОЕ СПОКОЙНО ДАВАЙ БЫСТРЕЕ К ОСТАНОВКЕ БЕГОМ НУ ДАВАЙ АВТОБУС ПОДЪЕЗЖАЕТ ВОН ВИЖУ БЕГОМ* прошёл в салон, сел у окна, ближе к выходу. *Теперь уже только ждать, сейчас я ничего не могу. Где он? Наверное, дома. Хоть бы он был дома. Нужно позвонить матери, сказать. Мать не берёт трубку. Да давай ты автобус что ты так тащишься давай давай давай.*

Ну!

Дима звонил матери, потом деду, потом дядьке. Дядька сказал, что недалеко от дома как раз, сейчас тоже подъедет. *Улица так медленно ползёт, сука, давай автобус, я тебя ненавижу, ну!*

Перезвонил дядька:

– Дим, ты где?

– Еду я, еду домой.

Как только автобус остановился на нужной остановке, Дима вылетел из салона и помчался к дому. У подъезда стояла дедова машина с открытой дверью, рядом дядька, он что-то Диме говорил. Или не Диме...

Лицо деда оплыло, искорёжилось. Он тяжело дышал. Ле-

вая его щека, как будто из застарелой резины, вообще вся левая сторона лица – как будто резиновая, ненастоящая. Дед смотрел на Диму, и левый глаз его был почти закрыт. Дед стонал, хрипел. Такой большой, такой сильный и беспомощный. Дима приближался к деду и сразу отшатывался. *Страшно. Очень страшно.* Дима не заметил, как рядом с дядькой появилась и мама. *Дима отойди закрой дверь дай проехать скорой помощи не стой на дороге как вкопанный Дима слышишь!* Диме навсегда запомнилось выражение лица деда, который впервые плакал при внуке, беспомощно водя в воздухе правой рукой, пытаясь что-то сказать, что-то сделать. Такой великий, сильный, и такой жалкий и беспомощный. *Господи как же страшно до чего СТРАШНО ДЕД! Так, замолчи. Спокойно. Дыши. Спокойствие.*

Кукла

В дверь позвонили. Катя пошла открывать. Через минуту она едва слышно вернулась в комнату и прошептала:

– Там – он!

– Кто – он? – не понял Ёж, лежавший в кровати.

– Ваня.

Ёж встал, надел майку и джинсы, пошёл открывать дверь.

– Сейчас я буду говорить. Понятно? – сказал Ёж, отстраня Катю.

– Хорошо, Ёжик.

Ёж открыл дверь. Перед ним стоял парень: невысокий, крепко сложенный, с серьёзными глазами.

– Бабки приготовили? – не здороваясь, спросил парень.

– Ничего мы не готовили, – ответил твёрдо Ёж, – пошёл отсюда, чёрт гашеный.

Парень долго смотрел на Ежа. Медленно опускались и поднимались его веки. Где-то внизу в подъезде грохнула дверь, грохот разнёсся по всему подъезду.

– Ты кто вообще? – спросил Ежа парень.

– Чё?

– Кто ты по жизни?

Ёж промолчал, вышел из квартиры и закрыл за собой дверь.

– Ты должен бабки, – продолжал Ваня. – Вопрос этот решается только так: ты тупо их отдаёшь мне.

– У мамки своей бабки проси, школьник.

– У тебя будут проблемы.

Катя не выдержала, выбежала из квартиры и из-за спины Ежа выпалила:

– Вань, мы же с тобой с детства знакомы, ты что несёшь вообще!..

– Заткнись! – рявкнул на неё парень.

Ёж выпрямился и пошёл на парня.

Откуда-то слева, откуда-то сбоку. В голове Ежа сильно зазвенело. Красно, темно. Ёж не чувствовал ничего, он как будто смотрел кино. Один звон в ушах. Ёж видит, как чьи-то руки касаются его майки, куда-то его тянут, он пытается отцепить их, что-то трещит, его тянут вниз. Перед Ежом невы-

сокий парень бормочет, как будто заклинание произносит. Ёж сжимает кулаки и пытается ударить по нему, но не получается, тот отходит в сторону и бьёт в ответ, в нос. Глаза замыленные, Ёж вытирает глаза и в этот момент опять удар. Звенит в ушах ещё сильнее, Ёж бьёт, не глядя, просто куда-то в темноту и, кажется, попадает, бьёт ещё и ещё. Ежа как будто ударило током, он отскочил. Крик. Высокий и пронзительный. Кричит Катя. Кричит? Ёж оборачивается. Её держит чёрно-красное пятно, хватает за волосы, она пытается вырваться. На чёрно-красное пятно кидается Ёж, сталкивает в лестничный пролёт. Опять удар, откуда-то сзади. Закрылись глаза и не дышится. Ёж – тряпичная кукла, куклу бьют, ей не больно, она мягкая и неживая, кукла просто пытается встать, куклу валят, кукла тянется оборванной липкой рукой к девушке и падает, кукле видится что-то непонятное, тени, которые перетекают одна в другую, тени мерзкие, противные, глядя на них, не хочется дышать, они похожи на чертей, нависших над беспомощной куклой, и кукла опять пытается подняться, но ноги – из ваты, руки – внутри из тяжёлых прутьев. На секунду удаётся подняться, и вдруг весь мир куклы куда-то катится или катится сама кукла, топот, гогот, шум, железом пахнет, кукле уже не подняться, она смотрит, брошенная, наблюдает только за теньями чёрно-красными, и этот запах железа, отовсюду льётся железо красное, *дыши*, картинка становится тихой, тусклой, слабый свет гудит, режет глаз на издыхании, что-то ухаёт, скрипит, скрежещет прямо

над ухом, лязгает. Зелёные стены падают на голову, мусоропровод ухаёт огромной рыбой. Гудит лампа, по ней гуляет электричество, сочится...

Всё произошло быстро. В подъезде всё затихло. Только тихо-тихо плакала Катя, сидя на коленках рядом с Ежом. У Кати потекла тушь, блёстки на её лице остались и теперь искрились так же пронзительно, как слёзы.

Ёж всё ещё не Ёж – кукла. В голове куклы показывают новый фильм, с плюшевой игрушкой, у которой оторвано ухо. На неё наступили, вмяли в пол, а ей ничего. Она лежит такая же, какая есть.

И когда наконец отпустило, Ёж потрогал левое ухо, и оно всё жгло и казалось неродным, как будто от другого тела: большое, очень горячее на ощупь, и как будто... болталось? Всё лицо – неродное, не его лицо... Во рту – то железно, то солёно. *Соль. Как хотелось бы стать морем. Ему ведь всё равно, бьют его, крутят, бросают в него что-то. Море, стать морем...*

Он теперь глухо слышал, как плакала Катя.

И опять что-то происходило и всё ещё не с ним, не сейчас, а когда-то... Синие огни, куклу куда-то повезли, положили, её болтало, от внезапных вспышек она открывала глаза, и глаза постоянно сами собой сразу же закрывались. Опять куклу толкают, куда-то кладут, дребезжание сменяет звон, ухо не жжёт, горит, голова раскалывается... лампы, темно, лампы, темно, лампы... гроыхает что-то, хочется спать. *Ру-*

ку правую спать хочется невыносимо холодно света вокруг совсем не хватает. Заснул.

Катя вместе с перепуганной матерью Ежа вернулись из больницы домой на такси. Когда Катя поднялась к себе на этаж и увидела лестничную клетку, на которой повсюду были кровавые кляксы, девочка разрыдалась снова. У порога Катю встретила мать. Мама отвела её к кровати.

С растоптанными, спутавшимися волосами, Катя замертво упала на кровать. Она уже не плакала, она лежала лицом в подушку и смотрела в темноту. Мама шептала, что всё будет хорошо, и гладила Катю по голове.

За окном гулял ветер.

Холодная весна. Воздух весной до дьявола чист.

Больница

Сегодня выписывали деда.

Он лежал в инфекционной больнице недалеко от дома, куда пристроила его дочь, мама Димы. Мама попросила Диму довести деда до дома.

Вдруг станет ему плохо и не дай Бог он упадёт, надо поддержать, подстраховать.

Дима подошёл к проходной больницы, седой охранник с испитым лицом буркнул:

– Куда?

– От Хлебниковой.

– Шагай. Как пройти, знаешь?

– Да.

Дима толкнул со скрипом турникет и вошёл на территорию больницы.

Мимо корпуса номер один, стоявшего слева потрёпанной картонной коробкой. *Там лежат вирусные гепатиты.* Справа серый каменный забор, исписанный надписями «ЦСКА – чемпион», «Кони – лохи, мир бардак. Все болеют за ... (последнее слово закрашено)», «RAP» и другими надписями с тремя буквами.

Дальше – корпус два, тоже по левой стороне, тоже – потрепанная картонная коробка. *Острые кишечные инфекции.*

Поворот налево – третий корпус. Смотрит на четвёртый, главный, многоэтажный, потерянно-величественный и пропахший смертью. В четвёртом корпусе мама работала медсестрой-анестезиологом.

Там на первом этаже реанимация. Когда мне было лет десять, мама водила меня сюда, чтобы лечить от астмы или чего-то вроде того. Дима не очень хорошо помнил то время. Зато я хорошо помню – сидел за стол, прислонял нос к стальной трубке, внутри которой светило ярко-ярко фиолетовым. И запах такой был... электричества. Кажется, так пахнет больничная лампа, длинная такая, они в больницах гудят-гудят, а потом, когда их время подходит, начинают мигать и под конец, выгорая, фиолетовые, мерцают и щёлкают. Почему-то вспомнилось, как мама вела его к выходу из главного корпуса. *Мимо страшных синих палат. «Здесь лежат наркоманы, у них была передозировка.*

Наркотики – это табу, запомни». Я смотрел через стекло на скелетов, лежащих в постели, из их рук росли трубки, провода. Обтянутые жёлтой кожей лица...

Дима зашёл в дедову палату. Спёртый больничный воздух ударил в нос.

Дима смотрел на деда, тот сидел на кровати, свесив ноги. Вместо левой стопы у старика свисала культя без пальцев. На правой стопе – три пальца. Дед очень не любил, когда кто-то смотрит на его ноги, поэтому всегда смотрел людям в глаза.

– Привет, – произнёс старик. Он выглядел здоровым, сильным и хорошо отдохнувшим. Глаза только едва разомкнулись, как будто он только что проснулся.

– Привет, дед. Как ты?

– Хорошо. Домой идём.

– Идём.

Дима хотел помочь деду встать на ноги, но тот его оставил:

– Не надо. Сам. Лучше пакет забери.

У койки стоял пакет с вещами и книжками.

– Всё, – дед встал. – Идём.

До дома идти быстрым шагом минут десять. Дима следовал за дедом.

– Хватит! – зло приказал дед, – рядом иди. Или вообще вперёд шагай. Я дойду один. Иди. И я потихоньку.

Они дошли до дома, поднялись на второй этаж. Дима пропустил деда в квартиру, потом закрыл входную дверь и мед-

ленно проследовал за дедом до его комнаты. Дед сел на кровать молча, попросил оставить пакет на кресле.

– Что-нибудь нужно? – спросил Дима.

– Нет.

Теперь дед из дома не выходил. Несмотря на жутко холодное и дождливое лето, в его комнате всегда были настежь открыты окна. Дима иногда проходил мимо дедовой комнаты, из-под закрытой двери тянул холодный ветерок. *А раньше он мог ездить на машине бомбить...* После возвращения из больницы ему это было тяжело. Даже сидя в своей комнате, Дима слышал иногда, как дед стонет. Стон был негромкий, сдавленный. *У деда ноги болят, наверное. Хотя, может, это всё из-за головы. Хоть бы он поправился.* Дима видел, что дед встает, иногда ходит. Комната деда была рядом с кухней.

Однажды дед позвал Диму:

– Сделай мне еды. Ладно?

– Конечно. Что тебе принести?

– Просто яичницу и чай.

– Сделаю.

Дима пошёл на кухню, поставил на плиту разогреваться сковородку и чайник, достал из холодильника три яйца. Диме не хотелось делать «просто яичницу». Ещё он достал из холодильника лук, красный перец. Нарезал кое-как, налил на разогретую сковородку масла, разбил яйца, высыпал перец, лук, посолил. Из комнаты послышался сдавленный стон, по-

том кашель, сухой и жесткий. *Страшный кашель, ну ничего. Ты же поправишься?* Дима достал из холодильника колбасу, которую ему мама всегда покупала, нарезал её, достал половинку белого хлеба, тоже нарезал и сделал бутерброды. Затем Дима достал из шкафа полулитровую дедову кружку, налил чай и добавил в него четыре таблетки сукратиза. *И как он с этой дрянью его пьёт?..* На подносе Дима отнёс старику еду.

– Это что? – спросил дед, глядя на поднос.

– Яичница.

Старик приподнялся с кровати и неодобрительно смотрел на поднос:

– Я просил просто яичницу. Забери бутерброды, я такую колбасу не ем. Иди.

Дима вышел с двумя бутербродами, пошел в свою комнату и вновь услышал стон. Вернулся в комнату деда: старик лежал, рядом с кроватью стояла на стуле тарелка с нетронутой яичницей.

– Дед, что у тебя болит?

– Спина.

– Может, мне маме позвонить?

– Не надо. Сейчас пройдет. Что-то душно совсем. Открой окно.

– Оно и так открыто.

– Иди.

Дима вернулся к себе в комнату.

Дед. Бедный дед. Сейчас там один, ну зачем всё так? Почему? Вот, опять ему плохо. Ну за что Ты так его? Пожа-луйста, слышишь, если Ты есть, сделай так, чтоб он не мучился. Не мучай его не мучай нас всех зачем Ты всё это делаешь?

На лестничной

Они стояли на лестничной клетке в пролёте между этажами. Катя грустно улыбнулась. Дима курил и обнимал её, а она смотрела в окно...

– Ты же понимаешь, что больше ничего не будет? – спросила Катя.

– Да, я понимаю, – ответил Дима, отпуская её от себя. – Как Ёж?

– Он со мной не разговаривает и уже второй день не берёт трубку. Звонила его мама, спрашивала, знаю ли я что-то про него. Он не появляется дома уже второй день.

– Плохо всё получилось.

– Совсем плохо.

– Думаю, всё ровно будет, – Дима выкинул бычок в окно. – Ладно, я пойду.

Он пошёл вниз по лестнице. Слышал, как гремят Катины ключи, которыми она изнутри закрывает решетку на лестничной клетке.

А мир уже не пустел.

Нравится...

Дима маленький и поэтому милый, но живой, он умеет

чувствовать любовь. Он, мягкий, по-домашнему уютный. То есть по-настоящему, по-домашнему, а не как дома. Дома я себя не чувствую как дома, когда папа был живой.

И всё-таки Дима милый. Он смешной такой. Когда ему шепчешь всякие глупости, он краснеет и становится ещё милей. Сейчас, правда, я он стал скучный: на пошлости отвечает пошлостями.

– Ты хочешь секса втроём? – спрашивает Катя.

– Ты участвуешь? Если да, то я тоже! – смеётся Дима.

А год назад, да, он совсем маленький был. Я залезла под его джинсовую куртку, под майку, водила там рукой и говорила всего одно слово – «хочется». Я могла говорить всё, что угодно, потому что знала – Дима никогда ничего не сделает с мной, если я этого сама сильно не захочу. Но сейчас как-то не так. Как-то – нет.

И в первый раз, когда они поцеловались, Катя сама предложила ему проводить её до подъезда, потом до квартиры. Они зашли в лифт, и как только двери закрылись, она поцеловала Диму. Страстно и долго, пока медленно, подёргиваясь, лифт поднимался на девятый этаж.

И впервые этот запах сицилийского мандарина так близко. Мне казалось, что мира нет или он застыл навечно, не нужно было дышать, думать, не надо ничего, ведь есть её губы.

Двери лифта открылись, Катя вылетела на лестничную клетку, успев нажать на кнопку «1». Она помахала рукой Ди-

ме и сказала: «Пока-пока».

Так Катя прощалась с ним каждый день первые несколько месяцев. В этом было много плохого, а ей тогда нравилось быть плохой.

Я теперь плохая. Не понимаю, как это со мной произошло. Я чувствовала это уже давно, что-то затаённое во мне, чёрное, таинственное и манящее. Оно было во мне с самого начала, да. Но может, оно было до меня, а потом просто вселилось, затаилось и сейчас – выбралось наружу? Теперь я вру, обманываю, зачем-то делаю грязь, я купаюсь в этой грязи. Это страшно. Страшно, приятно? Нравится... Нет, я не хочу быть такой. Как себя остановить? Как себя вылечить? Это всё они меня отравили, они! Нет, они не виноваты, они все хорошие, просто я им не смогла об этом сказать, навести их на правильную мысль, я сама виновата. В голове какой-то бред: ничего не вижу и не понимаю. Когда я стала такой?

Потом я набрался наглости и прижал Катю к входной решетке. «Плохой мальчик», – говорила Катя, а я целовал её шею, губы...

«Нравится...» – тяжело выдохнула Катя.

И, наверно, тогда появилась откуда-то тоска, и всё вокруг потихоньку темнело, темнело...

18 лет

Они встретились в кафе. У Кати день рождения – восемнадцать лет. Даже Дима, который ехал с ней до ресторана, как только они вошли, откуда-то достал букет и торжествен-

но вручил. *Это так мило, ребята такие милые.* Она сидит нарядная, рядом с ней на полстола три больших букета, и все три – жёлтые розы. *Смешно получилось, что они все принесли цветы одни и те же.*

Вечер шёл хорошо. Яша рассказывал о своей неожиданной работе у районного депутата, что зарабатывает какие-то «космические бабки». Круто поменялся, стал серьезнее, взрослее, грубее, как показалось Кате.

После второго тоста Яша погрузился: «Вы накатаете свою ЕГЭ-ху, а потом по шарагам хильнёте. И чё, не с кем мне будет тусить, короче». И больше не будут они вечером видаться каждый день, и неизвестно вообще – будут ли собираться хоть так, как сегодня собрались.

– Не будет больше кипиша никакого, – задумчиво продолжал Яша. – Я чё-то ща вспомнил, как Ёж на черчении с тетрабочкой пытался выйти. – «Куда ты?» – «Мне надо». – «Куда надо?» «В туалет надо», – Яша рассмеялся, Дима хмыкнул. «Фу!» – произнесла Катя, спрятав лицо руками.

Ёж смотрел на Яшу.

Работает у какого-то депутата, возит его. Подумать только Яша пришёл к успеху. Интересно, он тоже чёкает и щачкает, когда звонит всяким серьёзным дядькам?

Вечер продолжался.

– Ну, как тебе это ризотто?

– Ой, ты знаешь, очень вкусно. А твой министроне?

Яша поднял третий тост: «Ты – клёвая, Кать, ты мне

как сестра». Потом присоединился к поздравлениям Дима: «Спасибо, что ты есть: такая добрая, милая, очаровательная, домашняя и тёплая, вдохновляющая и замечательная». Катя сегодня, казалось, вот-вот заплачет. Прикрывая лицо тонкими ручками, она всё шептала: «Спасибо. Спасибо, ребята... Вы – хорошие!»

Только от Ежа – ни слова. Он смотрел на бокал пива, зубочисткой снимал пену. Катя вышла в туалет. *Она это называет «Помыть ручки»*. Через несколько минут она вернулась, и Дима встал из-за стола, вытащил коробочку и раскрыл: внутри лежали серёжки, золотые. Катя обрадовалась и обняла его. Ёж нахмурился.

Все подняли бокалы и Дима начал говорить тост:

– За таким замечательным другом, как ты, я готов через огонь и медные трубы. Ты – самая лучшая девушка, не знал никогда лучше. Мы столько всего с тобой пережили и ещё переживём, уверен! Ты просто замечательный друг, которого я ценю и... что уж скрывать, я люблю тебя, Кать!

– Да уж, действительно, – выпалил Ёж, – что скрывать. Вы меня совсем, что ли, за идиота держите?

– Не понял, – сказал Дима, отведя взгляд.

– Всё ты понял!..

– Ты за языком следи.

– Да я-то за своим языком слежу. А ты? Он уже везде у неё побывал, да?

– Ты сейчас не прав.

– Я не прав? Ты! Ты, выродок, молчал бы!

Дима вскипел мгновенно. Он перекинулся через стол, повалил Ежа на пол и стал бить его. Тарелки с грохотом упали на пол. Яша скинул Диму с Ежа. Молодые люди поднялись и вроде успокоились, но Ёж толкнул Диму, тот отлетел и врезался спиной в шкаф. Загремело. Дима схватил Ежа за шею и начал душить. Катя закричала, стала бить Диму по рукам, но тот не ослаблял хватку. Яша налетел на Диму со спины, схватил его и оторвал от Ежа. Все посетители, вжавшись в кресла, молча наблюдали. Официанты и менеджеры ушли за барную стойку. Через минуту прибежал охранник и помог Яше вывести Диму.

– Ты совсем, что ли, идиот? – кричал на Диму Яша.

Яша приблизился к Диме.

– Клоун, – фыркнул Дима, – пусть за языком следит.

– Дурак ты, Дима. Стой здесь.

Дима выдохнул, красное лицо размякло, он, кажется, успокоился, только дыхание оставалось сбивчивым, глаза заслезились:

– Я с вами посижу?

– Нет.

Что? Нет?..

– Почему нет?

– Иди попасись.

То есть ты теперь сам хочешь с ней? Защитник, что ли, главный?.. Взгляд Димы заострился, он внимательно посмот-

рел на Яшу:

– Ты теперь с ней?

Яша ничего не ответил, ударил с правой Диму по лицу. Тот покосился, но выстоял.

– Ой, да пошёл ты! – оттолкнув Яшу, Дима пошёл прочь, как есть, без куртки.

Палево

Я с Диманом с детского сада тусую. Я ему шнурки завязывал, внатуре, когда он не смекал ещё, как. И с Ежом тогда ж, да, вот. Он в параллельке был. На выпасе тусили все вместе. А в школу нас вообще в один класс всех турнули: и меня, и Димана, и Ёжа и Катюху... До девятого мы так... Потом я, короче, в шарагу ушёл.

Помню в девятом с Диманом свалили с черчения. Хотели из школы потеряться, у меня дома в соньку порубать, но дальше урок у классухи – палево.

Короче, мы решили посмолить в раздевалке рядом со спортзалом. Спортзал у нас во втором корпусе, через кишку на втором. Там нет никого никогда и всегда дым. Место лафа, беспалевное.

Попёрхали туда после звонка.

Минут десять протупили. Потом посмолили. И тут мне на мобилу звонок. Ёж. Поднимаю. Он что-то бормочет, никак не всеку, а я – слух – это ж голос классухи (она у нас фюрер реальный). Шухер! Мы сразу подорвались. Слетаем с лестницы, через кишку бегом. «Давай-давай!» – кричу Ди-

ману, – «Братан, не тормозуй!» Лётаем. Уже на этаже. Шух – в дверь, а там классуха ярится зло. Громная, чёрная, мурш-рует у доски. «Вы где, рейтузы, были, совсем совесть потеряли, короче, говорит такая и как заорёт: – Дневники!» У-у-у, язвы б её б... куда положено. Ссыкотно! Мы вытащили дневники. А она стоит, тарашится. И прямо в душу зырит. Забрала дневник, села за стол строчить, как из пулемёта – только буквами. «Стоять у доски, оба», – приказала. Стоим. А училка по черчению сама перетрухала, стоит у доски вместе с нами третья, руки по швам. Кто ж не боится нашу маму, Оксану Рудольфовну? Он ж такая баба, козырная, может и втетерить. Закончился трактат про нас писаться, Рудольфовна командует: «Правую руку подняли оба». Я заржал: «От сердца к солнцу, что ли?» В общем, чё, я правой курю, Рудольфовна сразу запалила меня, а Диману фартануло – он левша. «В следующий раз буду нюхать и левую», – дала раскладку и ушла. Мы поржали, чё. Хорошо, нам Ёж подсобил всё-таки, а то лажа б вышла.

Жаль, Диман с Ёжом никогда не корешили. Ну, здесь трабла об Катюху ломится. Вся эта бадяга с её пацаном из 223-ей школы, Ваню этим. Этот акробат просёк, Катюха встречается с Ежом и решил Ежа подбакланить. Нам с Диманом пришлось впрягаться. Но всё без несчастья кончилось.

А в последнее время, да, Ёж дома всё шкерился. На хате тусует, книжки читает. Заваливай, говорю, потусим, в соньку зарубим. А он – не, дела.

По лету, в одиннадцатом, он поступал. Юмал что-то себе своё. Вроде, работать записался, но инфа не стопудовая. Катюха даже не пронюхала. Совсем Ежаку не слышать было: мобилу не берёт, в инете не отвечает.

Я на домашний звякнул. Подошла мать его. Попросил Ежа. Мать пошла, походу, в его комнату, он там бесится: «Шли всех их». А она и репрогнула: «Он сейчас занят».

Кто ж знал...

Покупка

После школы Дима пришёл домой. Он поставил греться суп на плиту и пошёл в дедову комнату. Пепельница, стоявшая на табуретке, всегда полная окурков, теперь перекочевала на тумбу рядом с телевизором. Чистая и уже чуть-чуть пыльная. Дедова кровать, скрипучая до невозможности. Непривычно видеть её заправленной, чтобы покрывало так ровно лежало. Мама постаралась. Подушки взбила, они теперь лежат, сколько времени их никто трогать не будет... Надо, наверное, выкинуть матрас, новый положить. Кому она теперь нужна?.. Пахнет едва-едва табаком. Здесь всё впитало в себя никотин от «Явы» деда: ковер, который висит на стене на кроватью, подушки и одеяло, тряпки, лежащие в шкафу, и книжки на верхней полке, дубовое кресло, обитое тканью дедовыми грубыми руками, салфетки и бинты в тумбах...

Почти всегда дверь в комнату деда была открыта, а когда его не стало, Диме, когда он приходил домой после учёбы, становилось не по себе. Ему всё время чудилось, что в дедо-

вой комнате кто-то есть, закашливается, ох, этот кашель курильщика, который курит с шести лет.

Суп вскипел. Дима налил его в тарелку, вытащил из хлебницы буханку, сделал бутерброды с колбасой.

Сегодня голова гудела. Страшно гудела. Как будто на голову надели шар, и голова в нём внезапно стала, как на шарнирах, болтаться, биться о стенки.

Катя. Она попросила зайти к ней. *Она знает, что хочет, и я знаю, что хочу и что будет. Деда вчера проводили. Лучшие, может, дома посидеть?..*

Суп остыл. Дима съел бутерброды, а суп, к которому он едва притронулся, вылил в туалет. *Плевать, что врёт она. Я же тут ни при чём. Она сама хочет, не я так хочу.* Дима пошёл в свою комнату, захватив с собой заряжавшийся на базе домашний радиотелефон и позвонил Яше:

– Здоров. Пойдём погуляем?

– А чего так рано?.. Ладно, приезжай тогда.

Дима накинул джинсовку, надел кеды. Выйдя на улицу, он пошёл к автобусной остановке. Дима только закурил, и вдалеке показался автобус. *Всё, как всегда, верное заклинание.*

Через двадцать минут Дима стоял у Яшиного подъезда и звонил в домофон:

– Здоров. Выходи.

– Ща.

Через две минуты Яша вышел и сходу:

– Шпацирка есть?

– Есть, на, – Дима протянул Яше зажигалку.

Закурили. Говорили о том, чего это Яша школу всё прогуливает и чего это Дима туда постоянно ходит, намазано, что ли. Будет ли в этом году перед Новым годом дискач и как там новая француженка.

Яша выглядел старше Димы. В детстве Яше качелями на полном лету заехали в нос. Нос его навсегда превратился в римский, что сделало его похожим на гладиатора, и весь детский сад и школу Яша соответствовал образу: постоянно грубил, дрался, дерзил и ничего не боялся. Но при всей внешней грубости Яша был добрым парнем. Доброту выдавали глаза. Когда малознакомый человек вдруг разглядывал её, в Яше просыпался воинствующий гладиатор, ненавидящий люто. Яша, характеризуя сам себя, постоянно припоминал, как одна девочка сказала ему: «Такое ощущение, что за тобой смерть гонится. Да, именно, гонится. Идущий на смерть приветствует всех вас!» И откуда только Яша знал эту фразу...

Быстрым шагом Яша и Дима прогуливались мимо ларьков и магазинов. Дима всё волновался, не знал, как начать, как сказать, как попросить, поэтому не говорил ничего.

На втором заходе вокруг магазинов Яша не выдержал:

– Хорош сиськи мять. Нужно чё?

– Нужно. В аптеке.

– Так сгонцай.

– Я не могу вот так просто...

– Гондоны, что ли, надо? – рассмеялся Яша.

Дима ничего не ответил. Яша усмехнулся и хлопнул его по плечу:

– Ты чего, резину никогда не брал?

– Никогда. Они были и были.

– Были и были?

– Ну, ты давал.

– Ладно, не ссы, Капустин. Всё будет ровно. Стартуй.

– А мы можем зайти туда вдвоём? Ты типа недалеко постоишь. Мне так спокойнее будет.

– Два пацана пришли такие «не вместе», один покупает гондоны. А потом – хопа – оба съё.

– И?

– Ты тупой?

– Нет, просто...

– Короче, хрен с тобой, золотая рыбка. Я схожу.

Яша, звякнув дверью, зашёл в аптеку, а Дима остался ждать при входе. Закурил. Светивший над аптекой фонарь гудел, потрескивая. Мимо торопливо шли люди. *Блин, ещё увидит кто, будет совсем нехорошо.* Дима выбросил сигарету, убрал руки в карман. *Возможно, когда-нибудь я умру от сигарет. Буду курить долго, а потом рак. Рак лёгких или горла. Говорят, в табаке сигарет если попадается много веток мелких, то рак получается быстрее. Врут, наверное. Или нет врут? Где там вообще Яша? Ладно, спокойно... Но всё равно стрёмно курить, надо бросить.*

– На! – Дима и не заметил, как Яша вернулся. – Ультратонкие, плейжур макс.

– Спасибо.

– За что, за гондоны-то? – громко, торжествующе спросил Яша, проходившие мимо люди, стали оборачиваться. – Да не за что, ковбой, пользуйся резинками на здоровье!

– Ну чё ты, блин, разорался. Тихо ты.

Яша захохотал и вложил пачку презервативов в руку Димы:

– Вам бы уже стопорнуть с палевом. Не в жилу, брат.

– Знаю.

– Приколись, когда-нибудь она и тебе рога будет тоже так...

– Ой, да завали ты.

Дима убрал презервативы в карман куртки, где лежали сигареты. Вместе с Яшей они дошли до перекрёстка, где обычно прощаются, пожали друг другу руки, и Дима направился к дому Кати.

***

Ваня приставал ко мне с семи лет.

Наши семьи дружили. Мы ходили друг к другу в гости постоянно. Я приходила, он иногда меня за волосы дёргал, разве что ещё щипался-кусался.

В последний раз, когда мы с мамой пришли в гости к его семье, в начале этого года. Я зашла, как всегда, в его комнату. Мы смотрели какой-то мультик. Он вдруг полез целоваться,

а когда я попыталась вырваться, он схватил меня за горло и пригрозил, что потом зарежет, если я не дамся ему. Он шептал, прижимаясь ко мне сильнее: «Дай волосы понюхать». Я сделала ему больно, ударила его, и он отстал. Но ненадолго.

Он придумал причину – деньги.

Стрелка

Шли втроём: Дима, Яша и Ёж.

Почти восемь часов вечера. Стемнело, фонари зажглись.

– Слушайте, ребят, я что-то совсем плохо... может, лучше всё-таки не пойдём? – спросил Ёж.

– Да не ссы в компот, там повар ноги моет. Идём и всё тут, – строго ответил Яша.

Они подходили к школьному двору.

У школы на ограде сидели двое: Ваня и ещё один. Первый ощерился, сидел коршуном, вминаясь в куртку. Второй, толстый, с тупым безразличным лицом.

Увидев троицу, Ваня громко свистнул. Из-за угла школы высыпалась толпа. Они гоготали, кричали, матерились.

– Я... я не пойду. Я не могу, – бормотал Ёж, остановившись.

– Идём, – отрезал Яша. – На вот, закинься.

Яша вытащил из рюкзака маленькую круглую коробочку и протянул её Ване.

– Что это?

– Просто открой и вдохни.

Дима шёл и старался думать о чём-то хорошем, но в го-

лове всё об одном крутилось. *Сколько их там вообще? Трое против пятнадцати, наверное. Нас убьют. Ладно, может, удастся просто поговорить они ведь не совсем отбитые идиоты или отбитые вот если бы мы один на один не честно всё. Всё. Тормози. Нормально всё будет.*

– Может, всё-таки свернём, пока не поздно? – прошептал Ёж, когда уже было совсем поздно.

Троица встала перед Ваней. Толпа обступила троицу сзади.

– Ну чё, как тебе наша прошлая встреча, *чёрт гаишенный?* – рассмеялся Ваня, глядя Ежу прямо в глаза. – И вас только трое будет?

Ёж ничего не ответил.

Дима глядел под ноги и краем глаза наблюдал за трясущимся Ежом и гордо выпрямившемся Яшей.

– Ты так и будешь базаришь? – спросил Яша.

– А ты у них старший, что ли?

– Да. Короче.

– Ты что-то больно дерзкий. Не боишься, что мы вас тут просто поломаем? Мне бабки нужны. Его баба мне должна. Она не хочет ничего отдавать, так он за неё впрягся, как я понял, к нему все и предъявы.

– Ты гонишь, что ли, что за порожняк ты мне втираешь? Выйдем за линию?..

– А чё, при пацанах дрефишь?

– А ты?

– Я – нет.

– Ну так пошли. Или зассал?

Ваня молчал, Яша смотрел на него неотрывно. В конце концов Ваня хмыкнул:

– Отойдём.

Ваня поднялся и пошёл вместе с Яшей за школу. Когда Яша проходил мимо Димы, тот пытался ему сказать: «Ты чего делаешь? Нас же...» Яша обернулся и подмигнул ему. Через минуту Яша и Ваня скрылись в темноте.

Диму сзади кто-то толкнул, и он резко развернулся, увидел троих парней: они напрыгивали друг на друга и скалились на него. *Сука, вот если бы один на один...* Они выкрикивали: «А ты кто такой, мы не видели тебя здесь никогда, неместный, что ли? Братан, никакой ты не братан! Ха-ха-ха-ха-ха!»

Ёжа трясло. К нему подошёл какой-то длинный парень.

– Ты знаешь, я против тебя ничего не имел, но когда узнал, что ты про Ирку Макарову сказал, я понял, что ты не пацан.

– А что я сказал? Мы же с ней одноклассники, я ничего про неё не говорил.

– Но ты же её картавой назвал?

– Я?

– Да, ты. Что, не было, что ли, хочешь сказать?

Ёж молчал. *Её же все называют Картавой. Никто не говорит про неё Ирка просто, все говорят Ирка Картавая.* Он смотрел на парня. Ему хотелось сказать всё, что угодно,

лишь бы как можно быстрее уйти. Чтобы никто ничего ему не говорил, чтобы никто его не трогал, никто его не бил больше никогда. Лишь бы отпустили. *Я не плохой же человек, серьёзно, я что, очень плохо себя повёл, почему они со мной так? Я просто хочу домой. Просто, чтобы они отстали от меня и от Кати. Правда, отстаньте. Я не хочу ничего с вами общего иметь.* Толпа прижимала Диму и Ежа.

Вокруг темно, шумно и душно.

Толстяк, сидевший до этого рядом с Ваней, достал из кармана нож. Ежу очень хотелось домой, Диме очень хотелось домой. Дима чувствовал, что тоже начинает дрожать, руки, мокрые и холодные, в карманах, кажется дрожали, и Дима всё пытался сжать их крепко, чтобы они перестали. Начала стучать челюсть. Его всего потряхивало. *Блин, что за ерунда со мной. Спокойно. Всё будет хорошо. Блин, наверное, мы сейчас с Ежом выйдем, как настоящие сыскуны. Блин, блин...* Справа, за домами, шумела дорога. У Димы зазвенело в левом ухе.

Вдруг на Ежа и Диму навалились отовсюду. Начали бить, душить, рвать.

Ежа держали двое за руки, он подпрыгивал высоко, чтобы высвободиться, кидался из стороны в сторону. Когда ему ударили коленом в живот, он почувствовал, что не может вдохнуть.

На Диму полез парень с ножом. Дима зарычал и ударил парня по руке, нож звякнул об асфальт. Потом Дима ударил

по лицу, и парень перевалился через ограду и упал. Сзади на Диму кто-то набросился и повалил на землю. Диму били беспощадно и куда придётся: в голову, которую безуспешно он пытался закрыть, руки, грудь, живот, ноги.

Д-д-д-д-д-д Всётрецитчтопроисходит Так сконцентрируйся, Дима, смотри вперёд... Надо встать. Надо. Давай, ты сможешь, вставай. Левое ухо вместо голосов, криков, теперь: «у-у-с-с-с-с-у-у-с-с-с». *Что за фигня? Д-д-д-д-д-д. Это челюсть трясётся. Вставай, давай, Дима, блин, отбивайся от них, вставай, ну!* Что-то хлопнуло за школой. Сработала сигнализация на одной из припаркованных рядом со школой машин.

Толпа замолчала.

Из-за угла выбежал Яша, он бежал на толпу и кричал, и крик его был очень похож на что-то вроде боевого клича, громового, бурового, злого, такого мощного, что, кажется, стрялся воздух:

– Ну-ка валите на хрен! Всех перестреляю!

Яша выстрелил в воздух. Все побежали врассыпную.

Руки, державшие Ежа клещами, на мгновение ослабли, и тогда он рванул во дворы и бежал долго, пока не зажгло грудь настолько, что ему едва удавалось дышать. Но он всё равно не останавливался, шёл, чтобы идти, куда-нибудь, туда, гделюдно, чтобы до него не добрались, ему всё мерещилось, что за ним кто-то ещё бежит, но уже давно никого не было.

Яша подбежал к Диме:

– Диман, давай, валим! Валим!

У-у-у-с-с-с-сс-уууу-у-с. Что?.. Тяжело.

Яша помог Диме встать и взвалил его на плечо. Шли, как показалось Диме, очень быстро. У него голова кружилась, тошнило. Яша усадил Диму на скамейку у себя во дворе.

– Где Ёж? *У-у-у-с-с-с-у-у-у-у-с.* Где Серёга? – всё спрашивал Дима, оглядываясь по сторонам.

– Я не знаю. Убежал.

Убежал. Д-д-д-д-д-д...

– Слышь... это... чё с тобой? – спросил Яша.

– Чё?

– Челюсть.

– Холодно. Тошнит.

Дима закрыл глаза, ему очень хотелось спать, но голова, как будто череп начал сужаться и давить на лобную долю с такой силой, что слезились глаза. «Нгарн-нии-ги-го», – рядом с левой ногой Димы вертела головой ворона. *Клюнуть, что ли, хочет?* Дима топнул ногой. «Гир-гир!» – улетела.

– Откуда у тебя пистолет? – выдавил из себя Дима.

– Батя подарил.

– Когда?

– Когда умер.

Дима хмыкнул.

– Лох этот Ваня. Я свою бодягу только достал, а он, роняя кал, уже метнулся в поле. Такого стрекоча – дай Бога. Короче, вопрос закрыт.

Дима не слушал. Он вытянул руку и стал смотреть, как она трясётся.

Д-д-д-д-д-д...

***

– Алло, Катя?

– Да, здравствуйте. А кто это?

– Это тётя Марина, мама Серёжи. Ты не знаешь, где он может быть? Его уже второй день дома нет.

Ямки

Тот же лифт с прожжённой кнопкой, шумный, заплёванный лифт. Тот же девятый этаж с облупившейся краской. Звонок. Тишина. Кто-то там внизу шумит. *Может, покурить в пролёт встать? А вдруг там у неё мама, а вдруг Ёж пришёл?..* Ещё звонок. Короткий, нервный.

Катя (в одной майке) открыла дверь и улыбнулась:

– Привет.

В её взгляде – огонь, самый прелестный на свете огонь. Так горят глаза самоубийцы в последние часы жизни: счастливо-печально, спокойно и вместе с тем таинственно безразлично.

– Привет, – улыбнулся Дима, заходя в Катину квартиру. *И этот запах, вдо-о-ох и вы-ы-ы-ыдо-о-о-ох, такой уже родной и привычный. Сколько угодно дайте запахов – я точно скажу, какой из них – сицилийский мандарин. Никогда бы и не подумал, что есть что-то такое в этом запахе. Да и не было бы, если бы не она...* В квартире не горел свет.

– Я просто спать очень хотела, – как бы предугадывая вопрос Димы, заметила Катя.

– И сейчас? Хочешь?..

– Да. Разувайся и проходи в дальнюю комнату. – Катя развернулась и медленно исчезла в темноте квартиры. Последнее, что в тот момент увидел Дима, пятка Катиной ступни. *У неё очень красивые ноги, особый живописный подъём стопы.* Дима снял куртку и положил её на стул рядом со входной дверью. *Д-д-д... что-то холодно или мне кажется?* В нагрудном кармане лежали презервативы. *Нет, наверное, не надо так сразу их брать. А вдруг вообще ничего не будет? Вдруг я ничего не понял?* Не прикасаясь больше к куртке, Дима вошёл в темноту большой комнаты и наощупь добрался до дальней.

Катя стояла у окна обнажённая, освещаемая сизым светом вечерней улицы. Едва заметно Дима подошёл к ней сзади, обнял, а потом взял за руку и развернул к себе. Одну её руку он положил себе на грудь, а вторую поднёс к губам и поцеловал.

Потом Дима и Катя упали на кровать и поцеловались.

– У меня есть. В куртке. Принести?

– Иди ко мне, – ответила небрежно Катя.

Её гибкую спину окутывал тихий свет комнаты.

Он слышал у самого уха, как она дышит, приоткрыв рот.

Он приподнимался и видел иссиня-чёрную полосу, проступавшую на её медленно изгибающейся спине.

Они оба тяжело дышали, лежа рядом друг с другом. Молчали.

Дима лежал на спине, он повернул голову и посмотрел на лицо Кати, тихое и уставшее. Дима аккуратно обнял Катю, она положила голову ему на грудь. Катя трепетно слушала, как бьётся его сердце – так слушают землю, по которой идёт приближающийся враг, несчастье:

– Дим, что бы ты хотел?

Она не успела договорить.

– Тебя хочу!

Катя грустно улыбнулась, её глаза потускнели и стали острее и прекраснее (для него).

Дима дождался, пока она уснёт, а потом незаметно, как ему казалось, встал и вышел на кухню попить воды. Когда он вернулся, то увидел Катю, которая обложилась одеялами и подушками.

– Хочешь в моё гнездо?

– Это самое двусмысленное предложение из всех, что мне делали, – рассмеялся Дима. – Вообще!

Он лёг рядом с ней, и они снова поцеловались.

Мир остановился. И как бы хорошо, чтоб и время остановилось вместе с миром. Чтобы вся эта суета за окном замерла. Нет, испарилась, чтобы этот вечер субботней Москвы, с отголосками её шика и шума из центра, оказался где-то далеко и ненастоящим. Катя положила на Диму ногу, чуть выше бедра Дима нащупал ямку.

– А что это у тебя?

– Ямки. Как на щеках. У кого-то на щеках, а у меня – на ногах.

Захотелось курить. И они приоткрыли окно в комнате и закурили. Он обнимал её сзади и выдыхал дым в открытое окно, и этот дым летел и быстро испарялся.

Чтобы каждую субботу было так: я и она, у окна, смотрим на усталую улицу, где нет почти прохожих уже, а есть только редкие машины. И чёрт с ней, с мансардой на Тверской улице. Не важно, что никогда из окна не будет видно Пушкина. Кажется, я понял, что на самом деле важно.

В соседнем доме в окнах потихоньку выключали свет. Раз – и нет света в окне на третьем этаже. Два – нет в среднем ряду на пятом.

– Как думаешь, кто-нибудь там занимаются любовью? Именно любовью, а не тупо трахается? – интересовалась Катя. – Мне кажется, в этих окнах почти никогда нет таких людей.

– А может, они просто не включают свет и их не видно?

– Ха-ха. Очень смешно.

– Зато нам повезло.

– Да, сейчас это любовь. Я так чувствую. Как ты думаешь, но если они там все трахаются, то трахаются интересно? Ну, там, оргии или ещё что-то?..

– И откуда только у тебя берутся все эти глупости.

– Да ладно, глупости... Мне просто скучно. Ты знаешь,

чего хочется? Мне хочется обнимать мир, хочется бежать куда-нибудь на край света, забраться на самую высокую гору и кричать, что люблю мир, весь-весь мир: этот воздух, это солнце, этот ветер...

– И я хочу с тобой.

Она повернулась и посмотрела на Диму серьёзно:

– А мы всё сидим, ждём чего, а чего – непонятно. А я так не могу, мне кажется, что я не живу, а жить я хочу. Жить! Я хочу чувствовать, не дышать только для того, чтобы не задохнуться. Понимаешь? Когда я с тобой, я – одна, со всеми остальными – другая. Я – не та, я – не настоящая, я не дышу. Знаю, что сама – тварь, виновата. Знаю, что все те люди, которые входят в мою жизнь, рано или поздно начинают от меня хотеть одного. Я даю это одно почти сразу, но только для того, чтобы хоть на чуть-чуть задержать их в своей жизни. Такая дура.

– Не выдумывай!

– Может быть, это вас задобрит, может, это даст хоть маленький шанс, что я наконец-то стану счастливой. Знаю, я эгоистка, и из-за того, что делаю, вообще счастья недостойна, но оно нужно мне, нужно, как этот воздух, эти деревья, эта вода. Я просто хочу быть счастливой.

Он посмотрел на неё, чуть выше макушки. Катя, как всегда, растерянно, вопросительно посмотрела на него: «*Что там, что там?*» Дима ничего не ответил, и она, как всегда, положила на макушку руки, чтобы скрыть что-то, что заме-

тил там вдруг Дима. А он рассмеялся.

– Дурак ты, Дима! Я серьёзно говорю тут, а ты дурачишься.

– Я очень хочу помочь тебе быть счастливой. Но для этого... когда ты скажешь Ежу?

– Я не знаю.

– Ну, а мы теперь как?

– Что «мы»?..

Катя заплакала и спрятала лицо руками, Дима обнял её.

– Сны снятся мне нехорошие, – призналась Катя, убрав руки за спину. – Что-то страшное я чувствую. Не могу объяснить, это сила какая-то необъяснимая. Я её почувствовала, и она меня напугала. Чернота. Она бурлит, шумит и пугает, шумит и пугает. Иногда иду, как в ночном тумане, сама не знаю, что руки мои делают, куда ноги ведут, что впереди, что сзади – ничего не видно, один шум и пустота. Ты что-то такое чувствовал когда-нибудь?

– Кажется, да, – соврал Дима.

***

В отражении ночной Яузы – мёртвый ребёнок. Ползучее чудище в воде крутится вокруг его круглой, как сильно надутый мяч, головы. Чудище и ребёнок всегда были здесь. Ползучее чудище, которое каждый раз рождается в отражении неба на поверхности чёрной воды (если смотреть долго, видно, как в ней спящие черти лижут друг друга). Ползучее чудище родилось однажды и поселилось в реке навсегда, что-

бы временами выплывать на улицы города, идти по верхушкам фонарных столбов... оно стонет в предвосхищении, оно подбирается к дороге, облизывает крыши проезжающих мимо одиноких автомобилей, оно подбирается к девятиэтажкам, заглядывает в окна, извивается и останавливается у одного дома, на втором этаже, смотрит, дышит, шипит, гипнотизирует, а потом резко отпрыгивает, катится вниз по дороге и вдруг оказывается на высокой крыше. Мается, выжидает, шикает, уговаривает. А потом, когда уже всё, поднимается ветер, сносит её с крыши, она падает невредимая и ползёт обратно в реку, а там засыпает, довольная.

***

– Когда?

– Завтра.

– Быстро...

– Да, очень.

– Офигеть.

– Яш, мне страшно. Я боюсь. Я уже не знаю...

– Успокойся, Катюх, реально.

– Что-то нехорошее происходит. Как будто проклятие какое-то!

– Фигня всё. У Ежаки, походу, был жесткий депрессняк и, кажись, он реально поехал башкой.

– В последний раз он сказал мне знаешь что? «На этом танцполе все слушают и играют разную музыку». Что это значит?

– Я не всекаю и всекать не хочу. Слышь, если ты и дальше будешь загоняться, то сама поедешь, отвечаю. Хорош.

Яшин день

Мама накрыла на стол. Всё, как полагается: скатерть, четыре тарелки, посередине – блюдо с салатом, стянутое полиэтиленом, вилки, ножи, салфетки и четыре чёрно-зеленых алюминиевых банки со львом на этикетке. *Лучше они будут пить дома и с моего разрешения, чем где-то в подворотне.* В крохотной «однушке» с выцветшими обоями, с дубовой советской мебелью, ощущалось неожиданно уютно, так, как давно уже не было. В квартире пять человек. В тесноте, да не в обиде.

Уходя, мама обратилась к Кате:

– Катюш, ну ты погляди за мальчиками. И за моим – особенно.

Яша нахмурился и поторопил мать:

– Лан-лан, харе, давай уже, пока!

Мама надела сапоги, сняла с крючка шерстяное пальто. Неуклюже обступив мать, Яша открыл дверь на лестничную клетку.

– Будь поздно, – добавил Яша.

– Ладно.

Мама взяла сумку и у порога попрощалась с сыном: попыталась поцеловать его, но он не дался. Она улыбнулась на это и сказала громко:

– Веселитесь, ребят! Я ушла.

Дверь в коридоре хлопнула, и через секунду Яша радостно влетел в комнату:

– Ну всё! Давайте, убирайте эту шнягу. Пусть её, вон, Катюха пьёт. Мы с вами забомбим настойку. Пятнадцать лет как-никак – уже нужно!

Из-за дивана Яша достал две пластиковых бутылки с жидкостью вишнёвого цвета. «У тётки спёр», – торжествующе заметил Яша, открывая одну из бутылок и разливая её содержимое по бокалам, – «Тема – вещь».

– А мне можно попробовать? – спросила Катя.

– Не, Катюх, серьёзно, не надо тебе. Это жёсткая штука. Не хочу потом тебя до дома нести.

Парни выпили. Яша опрокинул рюмку и крикнул. Дима долго собирался с мыслями, прежде чем сделать глоток, выдохнул, что есть сил, а потом выпил. Ёж стал медленно тянуть настойку, но как только вдохнул носом, подавился и закашлялся.

– Хреново пошла? – Яша постучал по спине Ежа. Тот продолжал кашлять.

– Ты чего делаешь! – возмутилась Катя. – Нельзя по спине бить! На вот, Ёжик, попей воды.

С упорством продолжали пить настойку. По правде, она не нравилась никому, даже Яше, но они всё равно пили, а Катя сидела рядом и тоскливо вздыхала.

Настало время подарков. Дима подарил игру для игровой приставки, Ёж – второй джойстик, для неё же, а Катя пода-

рила Яше майку с медведем с поднятыми лапами и надписью «Превед, медвед!».

– Офигенно, ребят! От души!

– А что тебе мама подарила? – поинтересовалась Катя.

– MP3-плеер, – удовольствием ответил Яша.

– Да ладно! – воскликнули в один голос Дима и Ёж, – Офигеть!

Первая бутылка закончилась. Ёж приучился не цедить из стакана, а пил залпом, как Яша. Диму после каждого стакана сильно передёргивало. Начинали вторую бутылку уже без него – его сильно тошнило в ванной, Катя сидела с ним и лила из душа на голову холодную воду. Дима всё говорил: «Я сейчас умру, а вдруг правда умру? Я умираю, точно умру...» Катя улыбалась и гладила слипшиеся от воды волосы.

Яша с Ежом вышли на кухню покурить. Точнее, курил один Яша. Ёж просто за компанию.

– Приколись, лицензионные игры на Соньку – чёрного цвета, не как обычные диски, – заметил Яша.

– Я сколько к тебе хожу – ни разу у тебя не видел таких.

– Ну, у меня и нет. Да и ни у кого нет, наверное, в России. Здесь только пиратки толкают. Мы с тобой погамаем в Диманову ща. Кажись, там вместе гонять на мотоцикле. Один за рулём, а другой в коляске. И типа с другими чуваками на мотиках можно бодаться, и ментов тоже. А цэ а бэ, короче. Тебе понравится сто пудов!

Ёж и Яша вернулись в комнату и развалились на диване.

Запустили игру. Яша дотянулся до стола взял банки «Трофи» в две руки, открыл обе одновременно (*Ни фига себе, интересно, как он так научился?*), одну поставил около себя и вторую передал Ежу. Так и сидели: пили из банок, играли в гонки на мотоциклах и медленно сползали по дивану.

Ёж смотрел напряжённо на экран. Его маленькие глаза делались ещё мельче из-за игловатой причёски. Волосы, чёрные на корнях, светлые на концах, точь-в-точь как иголки ежа.

Вернулись в комнату Катя с Димой. Теперь Диму отпустило, он оживился и даже улыбался.

– Мне дало прямо не по-детски, – заметил Яша. – Давайте замутим бутеров. У меня тостер есть.

– Ого, тостер! – воскликнула Катя.

Катя с Яшей пошли на кухню делать бутерброды, скоро вернулись, и все снова сели за стол. Быстро доели остатки салата, а потом захрустели бутербродами.

– Всё-таки хорошо, что в этом году как-то по-домашнему, – заявил Яша. – Спасибо, пацаны. И тебе, Катюх.

Блин, а в прошлом году просто трешак, когда на шлюзах тусили. Но зато именно на этой тусне мы и забратались со всеми. Даже Картавая и её пацан с Ежом разрулили всё без шума. А Диман нарыл где-то велик и катал без рук, и как навернётся – всё табло в кровянице. «Эпично!» – да, точно, кто-то так сказал. В натуре, эпично! И Ваню. Этот конь педаальный, пришёл такой типа с днюхой поздравить, после

стрелы примазаться хотел, ну ещё бы, конечно, а на иллюзах мы вместе с ним блевали потом: вначале, чтоб я не свалился, он меня держал, а потом – я его. Всё в жизни бывает. И непонятно...

– Толкните что-нибудь такое, за душу чтоб, – сказал вдруг Яша.

– Зачем? – удивился Дима.

– Не всё ж угорать.

– У меня жило дома пять котов, и все они померли, – грустно улыбаясь, откликнулась Катя. – Несчастливо живут у меня животные. Последней каплей стал хомяк: я сделала ему такие хоромы, так его любила. У него был свой дом, ты видел, Яш, реально же классный? Он вдруг перестал есть, а потом и не двигался вообще. Я так в жизни, кажется, никогда не плакала. Он сдох, а клетку я решила не убирать и всю ночь не спала из-за этого. Плакала.

– Ну, ничего. Зато у него была весёлая и счастливая жизнь в хоромках, – заметил Дима.

– Да, но всё равно грустно. Он прожил по нашим где-то девяносто лет.

– Ого! Так это вообще хомяк-долгожитель.

Все засмеялись.

– Без тебя он так долго бы и не прожил, – добавил Ёж.

Катя грустно вздохнула.

– Ладно, не ломайте тут комедию, – Яша побил Катю по плечу. – Теперь он это... в лучшем мире.

– Вот в раю классно, – задумчиво произнёс Ёж. – Там Курт Кобейн.

– Чего? – не понял Яша.

– Ничего. Он был самоубийцей, но сделал слишком много, чтобы, как все, попасть в ад. Хотя, наверно, и нет никаких адов и раев. Если и нет, то стоило бы выдумать, как говорится.

– Ты чего такой пафосный? – Дима смотрел на Ежа недоверчиво, с усмешкой. Яша хмыкнул, а Катя отвела взгляд в сторону.

Обидно, давно уже обидные слова он говорит мне. Ему надо бы в морду дать. «Ты крутой, как яйцо! Ты крутой, как яйцо!» – орал Дима, стуча ладошкой по столу, Яша точно так же, как сейчас, хмыкал, а Катя отводила взгляд в сторону. Это на день рождения Ежа, лет пять назад. Тогда за столом ещё сидели маменька и отчим. Ежом меня ещё не звали, я был просто Серёжей. «Ты крутой, как яйцо! Ты крутой, как яйцо!» Отчим, когда увидел моё лицо, разозлился сильно и сказал, что если я не перестану обижаться на глупости, он выгонит меня из-за стола. Он должен был быть на моей стороне. Наверное, тогда он чему-то меня учил. Думал, что учит. А я уже тогда себя начинал потихоньку ненавидеть за то, что я не могу оправдать надежды людей, которых считаю близкими. Но отчим – не близкий, потому что он не защитил. В тот день рождения вообще всё было ужасно: отношение ко мне, подарки. Дима вместо подарка принёс

разукрашенный фломастерами проездной билет.

За окном уже совсем стемнело. У Димы сильно разболелась голова, и он захотел домой:

– Я – всё. Кто со мной?

– Я тоже пойду, – сказал Ёж.

– Пошли. Катя, ты с нами?

– Нет, я тут уберусь. Я обещала маме Яши.

Дима с Ежом пошли в коридор обулись. Дима надел джинсовую куртку, которая была ему велика: рукава длинные.

После того, как проводили Диму и Ежа, Катя села в комнате, чтобы немного передохнуть. В комнате тукали массивные настенные часы с маятником и домиком сверху. *Точно такие часы я видела у бабушки в деревне.* Тишина. Эту тишину она знает по себе: обычно ночью, когда она остаётся одна, ей не спится, она подходит к окну в своей комнате и смотрит долго на пустую улицу и ждёт чего-то, и в такие минуты ей кажется, что вот-вот будет какой-то праздник, счастье неопишемое, и когда она предчувствует всё это, спокойно ложится спать, мечтая о завтрашнем дне.

– У тебя хорошая квартира, Яш, – произнесла Катя, когда вернулся в комнату Яша. – И мама хорошая, не обижай её.

Она собрала грязную посуду со стола, отнесла на кухню. Яша разобрал стол и поставил его в угол, рядом со своей кроватью. На кухне шумела вода, и Яша увидел, что Катя моет посуду:

– От души, Катюх.

– Да было бы за что, Яш. Тебе понравилась футболка?

– Блин, я забыл совсем. Ща одену.

Через минуту он вернулся на кухню в майке:

– Приколись, как влитая. От души, Катюх!

Катя улыбнулась, она протёрла последнюю тарелку и выключила воду. Яша помог Кате надеть пальто и проводил её до дома (соседнего). «Всё-таки хорошая Катюха. Очень хорошая!» – подумал про себя Яша, когда вернулся к себе и в коридоре стал рассматривать свою новую майку с медведем.

Дом Ежа стоял рядом с автобусной остановкой «На горке», обычно здесь Дима садился в автобус, чтобы ехать домой. Они подошли к перекрёстку, чтобы перейти к остановке. Светофор, как всегда, под вечер отключили: моргал жёлтый.

Они пошли через дорогу, не глядя ни на дорогу, ни на светофор.

Почти ночь. Тихая. В выходящем на дорогу дворе Ежа у одной из припаркованных машин включилась сигнализация, кто-то заматерился, его в ответ кто-то обматерил ещё пуще. Ничего не было видно: фонарь, светивший прямо над остановкой, выключился. *Как специально. Каждый раз он выключается, когда я прохожу. Может, у него там датчик движения какой-то стоит? Наверное, до этого техника могла бы дойти, но не у нас. Просто плохого работает. Всё у нас черт-те как...* Ни слова друг другу не сказав, они договорились вместе ждать Диминого автобуса. Дима закурил.

Ёж стоял рядом и тупо смотрел в даль дороги, туда, откуда должен был появиться автобус.

– Да, хорошо сегодня потусили, – сказал задумчиво Дима.

– Угу.

– Надо будет как-нибудь ещё вместе потусить.

– Надо. Наверное.

– Приколись, в следующем году уже ГИА сдавать. Ты после девятого куда?

– Пойду в десятый.

– Я тоже. Только боюсь провалиться, и к нам в школу не возьмут. Тогда придётся в Путягу идти.

– Всех берут в школу. Главное просто сдать экзамены. Не важно на что.

Вдалеке показался автобус.

– Правило работает, – заметил Дима. – Только закуришь – сразу автобус приходит.

Минуту молчали, и как только автобус подъехал, мальчики пожали руки:

– Давай.

– Давай.

Дима сел в автобус и увидел, как к своему подъезду подходит Ёж: шуплый, странный, непонятный.

Зачем он вообще сегодня пришёл?

Америка

Мне было его очень жалко. Он рассказывал, что пытался убить себя. Мама и отчим отдыхать уезжали. «Нечего», –

говорила мать, – «Дома сиди». Он крал материны таблетки, горсти огромные в себя закидывал, а потом его днями и ночами крутило. Я думал только об одном: «Забери меня, пожалуйста». Но Он не забирал. Ёжик лежал и мучился несколько дней один, в пустой квартире. Это не была попытка заявить о себе, привлечь внимание. Я просто хотел уйти, потому что понимал, что слаб и ничего со своей слабостью поделать не могу. Я ненавидел себя и не хотел стать таким же, как мой отчим. На мамины крики он старался не реагировать, просто их сносил, с молчаливым пониманием. Не отвечать маме, даже если получаешь от мамы затрецину просто за то, что у неё плохое настроение. Мы с маменькой всегда были очень близки, а когда с человеком близок очень сильно, вероятность, что возникнет взрывоопасная искра – очень и очень велика. Я с ней ругался так, что слышал весь дом. Особенно когда она начинала говорить со мной о моей музыке. «У тебя ничего не получится, ты так и просидишь до старости у мамки на шее. Из тебя ничего не выйдет, учись, как все нормальные люди, идиот! Ты что, хочешь стать бомжем или спиться и сдохнуть во время очередной попойки, идиот!» Идиот, идиот, идиот... Ненавижу её крик. Я был настолько предоставлен себе, что маменька однажды как будто нарочно потеряла меня на вокзале. Я уехал в другой город и бродил в нём до самой ночи, и это до сих пор самый лучший день в моей жизни. Я гулял, представляя себя, что люди вокруг меня – это лешие, феи,

титаны огромные. У меня друг был: сырная луна, говорящая. Настоящий друг, лучше всех реальных, не выдуманных, которые друзья-то только формально, а сами обманывают, предают. Не нужно мне было возвращаться. Он запутался. Ужасно запутался, как и я запуталась. Но всё-таки я – больше всех. Всё из-за меня. Единственное место, где у меня получалось делать вид, что ничего не происходит у меня в семье, не плакать – это в школе. Все думают всегда, что я просто очень задумчивый и весь в себе. Нет, на самом деле я очень люблю общаться, люблю людей, и особенно – Катю, но каждый раз, когда я пытаюсь с ними заговаривать, я понимаю, что они меня не поймут. Меня, жалкого. Лучшее всего меня понимает музыка. Она откликается на моё обращение и обращается ко мне в ответ. Я ужасно не хочу, чтобы меня жалели. Во мне что-то поломалось, я раньше чувствовал в себе силу, а теперь я боюсь, вдруг кто-то меня ударит – страшно. Сам раньше мог кому угодно ответить. Если бы год назад я увидел, как Катя с Димой идут, держась за руки – да я бы просто убил на месте этого ублюдка. Сейчас мне всё равно. Я увидел их и не почувствовал ничего. Что со мной? Куда делась моя уверенность, моя мечта стать настоящим музыкантом. Я уже не мечтаю и играю, вливаюсь в музыку только для того, чтобы хоть что-то почувствовать. Без музыки я глух и нем. Я эта глухота и немота мне не даёт покоя теперь, потому что не обращаюсь к кому-то, а обращаюсь в себя, а внутри откликается что-то чёрное,

глухое, шипящее. Сначала я его боялся, теперь не боюсь я смирился и медленно иду к нему. Чёрт! Как меня раздражают мои ноги: они тонкие, куриные, и когда я иду, они как будто выбрасываются вперёд, как у утки. А голос. Помню, нас снимали на Новый год на видео, весь класс. Так стыдно мне никогда не было. Я пришёл с этой идиотской гитарой, начал петь и играть. Надо было делать так же, как делает Дима, который знает, что плохо поёт, поэтому просто играет молча себе и всё. Чёрт, мы лежали с Катей на нашей кровати, а потом там она лежала с ним, а потом со мной, а потом опять с ним. Господи, мне теперь всю жизнь жить с этим, но я не знаю как... Больше всего, наверное, я ненавижу своё тело, оно делает меня ещё более неуверенным во всём. Я не толстый, нет, но когда я сажусь, живот начинает выпирать, как будто шар надутый. Чтобы готовиться к институту, в который, уже известно, я не поступил, я ездил в метро. Когда садился, обязательно прикрывал рюкзаком свой живот. Стыдно за него. Но теперь, кажется, я всё окончательно решил. Я распадаюсь на атомы. Я – распад атома. Голова совсем не варит... Оно смотрит. Он говорил, что больше всего боится, что не поступит в институт на бюджет. И весь этот институт. Всего лишь прихоть матери. Я бы мог стать музыкантом. Я бы мог. Если я умру, то не всё ли равно – образованный или тупой, тёмный, непрощённый. У всех одинаково тело потом воняет, тлеет, всех черви одинаково жрут: будь ты бомж с Курского или

Жан-Поль Сартр. В гараже у мамы я открыл шкаф, оттуда вывалился на меня искусственный цветок. Мама ехала на похороны заместителя директора. Почему-то вспомнилось, как я выпил таблетки, а потом проваливался в пол, еле полз до кровати и слышал, как кто-то плачет, сидя рядом на постели. А Яша меня перед этой дебильной стрелой всё спрашивал: «Что с тобой, что с тобой?.. Соберись!» А я просто не мог. Я превратился в труса, потерял уважение всех. Я спрашивала его, что с ним. А он мне всё время отвечал, что просто задумался. Мне нравится во мне только одно: я мог стать действительно хорошим музыкантом. Я бы мог стать громом и молнией, самой музыкой новой революции! В последнее время я его немного побаивалась. Мне казалось, что вот он сидит со спокойным лицом, ничего по его взгляду непонятно. Он просто молчит и смотрит. Я говорила ему, что всё будет хорошо, гладила его иголки. А потом он вдруг сказал, что не любит меня. Я Катю всё-таки не люблю. И маменьку свою не люблю. С детства не люблю и никогда не любил – только сейчас понял. Маменька подарила мне игрушку-солдатику. Я поблагодарил её и сказал, что очень люблю. Да, точно, именно тогда я понял, насколько это фальшиво – моя любовь к людям. Я никого не люблю, я только себя ненавижу. Он очень хороший, трепетный и добрый. Всё равно. Мне хочется признаться матери, что ненавижу её, потому что знаю, что она – фальшивка, как и я. Однажды я пришёл домой рано и застал её в комнате

с каким-то мужчиной. Я убежал к себе, а через несколько минут пришла она и начала на меня кричать: «Как ты посмел войти! Нравится подсматривать, идиот!» И положила на стол деньги, пятьсот рублей. «Только попробуй пикни об этом!» За одиннадцать лет никто не спросил меня о моих друзьях, которых я выдумал и про которых рассказывал, что с ними гуляю постоянно, тусуюсь, играю музыку и на концерты хожу. Ни о типа панке Кексе (он – настоящий, но всё время в линейку дома играет), ни о типа ЦСКА-ином фанате, который слушает один СWT и ходит на фэйр-плеи. Даже Катя ни разу не спросила, хотя мы с ней почти два года встречались. Значит, и вовсе не встречались, а просто казалось. Иногда мне кажется, что я слышу голос. Хороший, милый, добрый, нежный... **ИДИ СЮДА** Я для себя не дорогой и не любимый. Наверное, в этом и есть моя проблема. Я хотел стать напористым, но чем дальше, тем больше... не могу делать то, что я хочу. Мы расстались с Катей, и я начал сомневаться во всём: в словах (что они все значат?), в том, кто я такой. Иногда, чтобы повзрослеть, осмыслиться, всем нужно жестокое потрясение. Я хотел на философский факультет МГУ поступить. **ПОДНИМАЙСЯ** Может, там изучил бы что-нибудь такое, что мне бы доказало, что не всё так плохо. Да почему плохо? Всё хорошо. Всё равно, что бы ты ни делал – всё одно. Меня нет, я есть – солнце всё равно просыпается, волны всё равно приливают к берегам, скалы всё так же мол-

чались. Миру всё равно, что меня нет. И я хочу, чтобы мне тоже стало всё равно. Совсем. **ЕЩЁ РАЗ** Ведь Катя же с ним. Всё стало понятно на её дне рождения. Она смотрела на него так, что всё было понятно. И им было всё равно, что я всё это вижу, я для них не существовал, для них ничего не существовало. Или как тогда они шли к Катиному дому, держась за руки, а потом сделали вид, что ничего не делали. Да я и сам себе тогда говорил, что показалось. Точно. Вспомнил. Я себе тогда говорил, что ничего не видел. Показалось мне. **ВЫШЕ, ВЫШЕ** Но по правде – мне всё равно. Я просто копирую модель поведения моего отчима-рогача. Такова моя судьба. Но в такой судьбе я себя ненавижу, презираю, знаю, что другой у меня и не будет. Он себе навидумывал каких-то глупостей... А не повезло ли больше тем, кто, только родившись, сразу умер? Почему-то мысли о пустоте и темноте меня завораживают. **НУ ЖЕ В** классе седьмом когда мы были, недалеко от школы сбили девочку. Она училась в пятом. Переходила дорогу, шла домой, по зебре, как положено, а машина её не заметила. На первом этаже в школе висел её портрет и лежали розы. Две розы стояли в вазе, красные, длинные, красивые, а остальные лежали у вазы. Девочка умерла, розы, срезанные сегодня-вчера-позавчера, вслед за ней тоже умрут: по лепестку начнут разваливаться. Розы красивы, когда их только сорвёшь, а потом их выкидывают... **БЛИЖЕ, БЛИЖЕ** Мы родились в каком-то хаосе, живём в нём, и всё так запутано из-за него.

Непонятно совсем из-за него, есть ли хорошие люди, есть ли плохие. Мы идём, не знаем сами куда идём: вперед, назад, влево, вправо. В мире нет ничего, в мире есть хаос. Везде – хаос. Я знала, что он мне врёт. Говорил, что идёт гулять с Кексом, а сам сидит дома. Солнце будет вставать, ветер – дуть, море, моё любимое море, будет шуметь – природе всегда всё равно, буду ли я радоваться закату, буду ли вдыхать холодный воздух. Всего лишь один шаг отделяет человека от самоубийства. Мысль такая бродит у всех, но не всегда щёлкает. Я однажды сидел дома. Я понимал, что если пойду в комнату отчима, достану его камеру и включу её на запись, начну говорить, глядя на красный огонёк, то дороги назад не будет. ИДИ Оно смотрит в меня и говорит мне. Я слышу. Нет, может, я просто уеду. Возьму и уеду. Куда-нибудь в Америку. Оно молчит.

Дискоотека

Полгода и – поступление в институт. Нервно всё это, заморочно. Ёж расстался с Катей, сказав ей самое простое и самое обидное: «Я не люблю тебя». Она заплакала искренне, со стоном. Ёж сидел рядом с ней, смотрел на неё, а она на него. «Мы больше никогда не будем лежать вместе», – выдавливала из себя Катя, Ёж гладил её волосы и не мог ничего ответить. Катя лежала на боку и смотрела красными глазами на Ежа. *Жалко. Очень жалко.* Она уже отчаялась и начала говорить глупости: «Скажи мне что-нибудь плохое, скажи, чтобы мы разругались вконец!» Ёж молчал и продолжал гла-

дить её волосы.

Всё закончилось, когда он всё-таки вышел за дверь.

В начале третьей четверти в школе проводили дискотеку, и на неё Катя собралась идти вместе с Димой и Яшей. *Ежак, без обид. Катюня пойдёт на дискач с нами.* Ёж сделал вид, что ему всё равно: «Да я тоже пойду, чего такого?» *Чего тут такого? Я-то думал, что хотя бы ты, Яша, не такой. Плевать.* Под вечер, когда зажглись фонари, в школу возвращались дети, и она снова оживала. По левую сторону от входа организовали танцпол, в центре которого на потолке повесили зеркальный шар. Медленно, поблёскивая, шар крутился. Девятых классов в этом году набралось три штуки, а ещё пришли два десятых и одиннадцатый один. Прийти разрешили старшекласникам из соседней школы с английским уклоном. Распомаженные девочки из девятых классов вызывали смешки девочек постарше: «Малолетки, хоть бы краситься перед выходом научились». Но мальчикам (всем) нравилось. К семи часам, когда набился народ, музыку сделали громче. Яша организовал в туалете бар и всем желающим разливал щедро водки и пива.

Катя пришла на дискотеку вместе с Димой, и они сразу пошли к Яше.

– Он обещал какой-то сюрприз, – говорил Дима.

– А не хочешь ли ты меня просто завести в укромный уголок? – спросила игриво Катя.

– Я только за!

Они целовались у входа в мужской туалет на втором этаже. Дима чувствовал сладкий запах её кожи и всё не мог нарадоваться, что теперь им не надо скрываться. Дверь в туалет грохотом на весь коридор открылась.

– Хорош сосаться! – у двери стоял Яша, который едва не вывалился из туалета. – Подь суды.

В туалете всё – сизо. Двое румяных парней из девятого класса держали чёрные пакеты с алкоголем. Они на подхвате у Яши. В туалете было тесно: и мальчики, и девочки курили, целовались, толкали друг друга, пили из горла.

– Этим двум – текилы! – обратился к румяным Яша.

– Текилы? – переспросил Дима. – Откуда у тебя текила-то?

– Я никогда не пила, – призналась Катя.

Выпили. Катины глаза захмелели, губы заблестели, а волосы раскудрявились ещё больше, чем обычно.

– А вкусно! – сказала она, улыбаясь. – Я пойду танцевать.

– Я догоню, – шепнул ей Дима.

Катя кивнула и вышла из импровизированного бара. Дима с Яшей выпили ещё.

– Ну чё, как у вас? – поинтересовался Яша.

– Теперь хорошо.

– Красава. Всё же лучше так, чем пацану яйца крутить.

Дима хмыкнул. Дверь с шумом хлопнула опять. Вбежал Сенька из десятого:

– Шухер! Рудольфовна!

Девочки, бывшие тут же, заторопились, закинулись жвачкой и выбежали из туалета, побежали в женский туалет, в другой конец коридора. Жадными глотками пацаны допили остатки пива и водки, запихнули пустую тару в пакеты и выбросили в окно.

Конечно, попались. Конечно, понятно было, кто всё организовал – Яша. После девятого он ушёл из школы и чувствовал себя безнаказанно. Кто ему теперь что скажет? Мать вызовут к директору?

Оксана Рудольфовна зашла в туалет, надеясь поймать всех с поличным:

– Так! – зарычала она. – Ну-ка вон все отсюда!

Она приблизилась к Яше, который смотрел на неё спокойно, даже надменно.

– А ты, Яша, – выпалила директриса, схватила его за рукав и повела к выходу, – какой же ты наглец! Пошёл отсюда! И чтобы ноги твоей здесь больше не было никогда!

– Оксана Рудольфовна! Чего вы его?.. – пытался вступить за друга Дима, шедший позади директрисы и Яши.

– Слышите, я вас не трогаю, вот и вы меня не трогайте, да? – голос Яша надтреснулся.

– Забирай свою куртку. И без разговоров – отсюда вон.

Яша зашёл в раздевалку, взял куртку. То же сделал и Дима. Через минуту учительница, всё так же держа Яшу за локоть, выволокла его на улицу.

– Ну Оксана Рудольфовна, он же ничего не сделал! – про-

должал Дима.

Учительница обернулась и посмотрела на него злобно:

– И ты тоже – чтоб не появлялся!

Дима был всегда на хорошем счету, а тут – раз!..

На дворики перед школой никого, только Дима и Яша. Все остальные уже там – в школе тусуются. А школа, трёхэтажная, квадратная, белеющая, несмотря на медь от фонарей, стояла себе и стояла.

– На Каблуке можно тригана бахнуть, – предложил Яша.

– Не, – отказался Дима.

– А что тогда?..

– Я не знаю. Сейчас Кате позвоню, – Дима набрал её номер, в ответ – долгие гудки. – Не берёт что-то.

– Иди к ней, короч. Я тут чё-нить сварганю на одного. Не ссы.

– Да меня уже никто туда не пустит. Я ей смс-ку напишу. Яша обрадовался:

– Тогда пошли пиваса возьмём и у Каблука на лавке посидим.

– Лады.

Каблуком назывался двор рядом с школой, он заворачивался буквой «Г». У Каблука обычно собирались после школы покурить и иногда, если деньги есть у кого, выпить. Двор этот был хорош тем, что огораживался от двух дорог гаражами, за которыми ничего не видно. Перед поворотом к Каблуку находился магазин, в нём продавщица – бывшая зэчка

(по крайней мере, так рассказывали в школе), с наколками на руках, с черными глазами и золотым клыком, всегда без вопросов продавала и сигареты, и пиво. Если, конечно, не грубить ей. Дима и Яша зашли в магазин, встретили там знакомых.

– Знакомые всё рожи! – воскликнул довольно Яша и пошёл брататься.

Дима подошёл к продавщице, попросил четыре бутылки пива, две пачки чипсов и пакет. Продавщица лениво цокнула, собрала всё быстро.

– Зырь, «Шапка-невидимка»! – толкнул Диму Яша, показывая на витрину у кассы. Там лежали презервативы, на упаковке которых в истоме стояла обнажённая женщина из 90-х. – Вот какие гондоны в следующий раз тебе на день рождения подарю!

Выйдя из магазина, парни двинули на Каблук, сели там на лавку. Прежде чем вытащить бутылки, Дима заглянул в мобильный: пропущенных нет, смс-ок – тоже.

– Доставай давай, – сказал нетерпеливо Яша.

Дима достал бутылки, прислонил горлышко у самой крышки к металлическому подлокотнику, ударил по крышке ладонью. Яша открыл свою бутылку зажигалкой. Достали чипсы.

– Будем!

И выпили.

У Димы перед глазами поплыло, в голове стало ватно, он

сел на спинку скамейки. Яша произнёс поэтически:

– И всё-таки лучше всего водка. А не пиво, не эта... как её, текила. Почему? Пьёшь её, пьёшь, пока сидишь – всё нормально, а потом встал, и как накроет. Нечестная она какая-то. Не наша. Не надо нам её. Водка хотя бы без вкуса.

– То есть текилу ты больше не будешь пить?

– А есть у тебя, что ли?

Дима рассмеялся.

Двор молчал, за домами глухим и тихим эхом доносилась музыка со школьной дискотеки. Дима смотрел на разбитую детскую площадку. Беседка с потрескавшейся краской и согнутая кем-то очень сильным и спьяну набок; паутинка, которую однажды ради интереса, примёрзнет или нет, зимой лизнул Дима – и примёрз; четыре гаража, скрывавшие двор, как четыре чёрно-зелёных кирпича.

– Яш, как думаешь, где Катя? – поинтересовался Дима.

– Ну, там, – ответил отстранённо Яша. – Где ещё ей быть?

– А чего она трубу не берёт?

– Громко. Не очкуй. Хорошо же зависаем, а?

– Ну да.

Где-то вдалеке, сзади, откуда парни и пришли, послышался стук каблуков. Дима обернулся: какие-то две девки идут. Вроде мимо. Или нет – чёрт знает. Дима поставил бутылку и глянул на Яшу, тот сделал последний глоток и ловким броском закинул бутылку в мусорку.

Две девушки зашли из-за спины, и одна, поплотнее, в пу-

ховой куртке с норковым воротником, скрывавшим пол-лица, спросила:

– Мальчики, закурить не найдётся?

– Найдётся, конечно, – простодушно ответил Яша и дал сигареты.

– А вы чего здесь делаете, мальчики?

– Пьём, – всё также просто ответил Яша.

– Что пьёте?

– Пиво пьём, хочешь? – Яша достал ещё одну бутылку из пакета.

– Нет, спасибо, – улыбнулась девушка и достала из куртки удостоверение. – Младший сержант Устинова. Пройдёмте в отделение.

Другая девушка достала телефон и начала кому-то звонить.

– Это что, шутка такая? – не понял Дима.

– Нет, не шутка, мальчик. Распитие спиртных напитков в общественном месте. И несовершеннолетние. В отделение сами пойдёте или дождёмся наряда?

– Какого ещё на хрен наряда? – разозлился Яша.

Девушка, говорившая по телефону, убрала его и кивнула подруге: «Будут через семь минут».

– Давайте без наряда, пожалуйста, – заторопился Дима, он встал со скамейки неудачно, задел ногой свою бутылку пива. – Мы вот в этой школе учимся. Давайте туда зайдём, вы там нам выговор скажете и всё, без отделения.

– Нет, в отдел вам всё равно придётся с нами идти, – сказала строго вторая.

– Ладно, – не унимался Дима, – но всё равно: давайте зайдём в школу.

– Ну хорошо. Пошли тогда.

И они медленно двинулись в сторону школы. Дима шепнул Яше: «На счёт три». И как только девушки отвернулись, Дима закричал «Три!», и он, и Яша побежали в разные стороны. Дима на секунду обернулся и увидел, что одна из девушек держит Яшу за рукав, но решил не останавливаться, побежал быстрее. Он вылетел на дорогу, его чуть не сбил у остановки автобус. Дима сел в него, тяжело дыша, быстро снял куртку и попытался набрать Яше. Тот не взял трубку, но через минуту перезвонил.

– Я свалил, – сходу выдавил Дима.

– Я тоже.

– По домам?

– Пока да, – ответил Яша.

Всё – туман.

Разноцветный и мутный, успокаивающий и ласкающий. Она танцевала лучше всех, она танцевала так, что каждый хотел прикоснуться к её горячей коже, поцеловать её, обнять. А она танцевала одна, она растворялась в тумане, и в этом была магия, завораживающая и порочная.

Она и сама не заметила, как он появился прямо перед ней, провел рукой по талии, вдохнул её запах, сладкий запах, ко-

торый внезапно пробудил в нём всё то, что спало почти два года. Он прижал её к себе и поцеловал.

Скоро, ни на секунду не выпуская друг друга, они пошли в раздевалку, и в дальнем её углу это произошло. Их, кажется, кто-то заметил, смотрел за ними, но было всё равно. Они забрали куртки и пошли домой к ней. И в лифте он растянул платье её так, что оно порвалось сбоку. И когда они ввалились в пустую квартиру и упали на кровать, она выдохнула: «Нравится...»

«Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка...»

Настоящая: холодная, с листопадом и непрекращающимся дождём – осень.

Договорились встретиться вечером. Помянуть. Глупо, конечно, но место встречи – у дома Ежа, но Катя настояла. Она точно будет плакать опять. Хмурые парни подтягивались к дому, стоявшем на горке. Пришёл Кекс, которого Катя считала мифическим, парень как парень. *Мы с Ежом часто рубились в Линеюку, на сходке клана виделись всего один раз, но, блин, парень он был хороший.* Пришли из десятого парни и несколько девочек, даже Ваня со своими гопарями. *Блин, пацан молодой. Что случилось-то?* Пили водку, поставили у входа в подъезд рюмку с коркой чёрного хлеба. *Посрался с родаками, покурил говна и прыгнул с 39 этажа, в Ховрино. Говорят, он два раза прыгал. Один раз не получилось, и он поехал туда, в этот дом. Ты чё несёшь, он выпрыгнул*

из окна своего дома, у него квартира на втором этаже, а потом вниз по улице, в дом Максима-боксёра. Ладно, давай, будем... Пили.

Вышел на улицу отчим Ежа, и все подумали, что сейчас он разгонит их. Вместо этого он посмотрел на потерянные детские лица и промолчал. Яша протянул ему пластиковый стакан с водкой, отчим выпил залпом и ушёл домой. Катя смотрела на рюмку, стоявшую у двери в подъезд, пустым и неподвижным взглядом. «Уже ничего не поделаешь. Его нет, больше нет, мы ничего не можем сделать», – всё повторял и повторял ей на ухо Дима, и девушка скоро не выдержала, оттолкнула его и расплакалась горько. Её трясло.

То и дело поднимался ветер, разгонявший пожухлые листья. Холод делал воздух как будто чище, и дышалось из-за этого ветра проще, легче. Как только Катя закрывала глаза, она сразу видела его. Он лежал там серый. Белое лицо и тело как будто не его. У него никогда не были пухлыми пальцы на руках, а тут – пухлые. Может, это и не он?.. Глуповатая, простая причёска ежом та же, но волосы – нет, не те же: светлей, чем раньше. Ты был непохож сам на себя... Они что, брови тебе нарисовали? Такие густые чёрные полоски. Бедный. Я бы тебе сама нарисовала лучше. Ёжик. Вмятинка на лбу, ближе к левому виску. Ёжик, ну как так? Теперь всё время слышу звук – горсти земли ударяют по деревянной крышке. Ужасный звук. Ёжик, я не могу так... Катя опять разрыдалась.

– Тащи её до дома, – приказал Яша Диме.

– Нет! – закричала Катя и начала вырываться.

– Кать, пойдём, ты совсем замёрзла.

– Да мне всё равно! Я не хочу никуда!

Яша и Дима взяли её под руки и медленно повели. Катя опустила голову и замолчала. Они шли дворами, и дворы, такие тихие, слышно в них только, как лают собаки. Как будто никого и нет в этом огромном спальном районе, где горят в каждой многоэтажке десятки окон, где каждый день кто-то влюбляется, плачет, радуется, горюет и...

– Всё не так. Не будет больше так, – произнесла Катя, стоя у входа в подъезд.

– Будет по-другому, – ответил Дима.

Поднявшись на её последний этаж, они спустились в проём между лестничными клетками. Открыли окно, и из него пахнул сильный ветер. Катя тоже курила.

– У меня такое чувство, – начала она, – что он уехал куда-то и сейчас видит нас. Смотрит и думает: небо перед закатом сегодня красное и ветер – значит, завтра холодно будет. Он, может, видит небо где-то в другой стране, южной какой-нибудь, и там завтра – жара, плюс тридцать два воздуха и двадцать шесть море. Или, может, он какой-нибудь тайный агент, который на секретном задании сейчас? Скрывается от бандитов, и когда-нибудь всё закончится, и он найдёт сам, встретится с нами и расскажет, как всё там было, почему он куда-то исчез так.

Яша и Дима молчали, не зная что сказать.

*Я только одно знал: надо жить дальше. Об этом каж-
дый день и говорил Кате, Яше. Они, вроде, слушали и согла-
шались, но уходили всё дальше и дальше. Мы перестали об-
щаться. Потому что учёба, работа, дом. Всё новое и всё по-
другому.*

И жили – Яша всё больше времени проводил на работе у районного депутата; Дима начал учиться, и учёба захлестнула его полностью, так, что времени оставалось только с институтскими после пар где-нибудь посидеть часик-другой; и Катя училась, совмещая учёбу с работой, на улицу выходила теперь она только, чтобы выгулять собаку, которую подарила ей на день рождения мама.

И лишь по временам каждый из них вспоминал о прошедшем, и оно казалось таким далёким, будто его и не было, а если и было, то с кем-то другим, не с ними. *Ведь когда-то я называл Яшу лучшим другом. А теперь даже не знаю, где он, что он...* Недавно видел Катю, и мне она показалась, если честно, какой-то пустой и глупенькой. Я смотрел на неё и не понимал, за что я мог любить эту неряшливую, взлохмаченную девочку с потрескавшимися ногтями. Мы больше не общаемся. Может, вот что называется – «мы переросли наши отношения»? Похоже, мы безвозвратно повзрослели. Похоже, нам пришлось пройти через всё это, чтобы стать взрослыми.

Мы все обещались встретиться, навестить вместе школу,

но всё было как-то не до этого. Помню ту осень, в Москве было очень холодно и зима то и дело случалась.

Следующий день после похорон – день студёный: холодятся улицы, дома и жители. А на следующий день – первый снегопад, порывистый поначалу, но затем неуверенный и тихий.

И сегодня выпал снег такой же, опять встали на всю ночь МКАД, ТТК и Садовое. И снова коммунальщики, готовившиеся к выпадению месячной нормы осадков в один вечер на протяжении всей весны, лета и осени, развели руками и сказали: «Делаем всё, что в наших силах. Весь автопарк задействован!»

А я, чертыхаясь, ехал в душном метро на учёбу, работу и обратно – домой. Под вечер стало морозно, так, что пар изо рта и зубы стучат, я вышел из перехода и увидел свинцовое, засыпающее небо, в котором кое-где в густо-золотых разломах последние минуты догорало солнце. Усталое за лето, солнце не грело, а просто светило, но светило ярко, обещая: обязательно следующим летом будет жара, чтобы никакой кондиционер не помог, чтобы бабушка, сидящая с вязаньем у метро и продающая кофты по 150 рублей за штуку, вздохнула тяжело: «Спасу нет от этой жары...»

Ветер хлестнул по лицу, и щёки покраснели. Холодно для октября очень. Когда автобус, везущий меня домой, поднялся на горку и остановился у дома Ежа, я увидел окна его комнаты, и мне сразу вспомнилось, как мы вместе шли после дня

рождения Яши, как я сел в автобус, посмотрел вслед Ежу и подумал, какой он всё-таки странный. Сейчас в этой комнате темно и никого нет. И деда нет. Почему вдруг об деде подумалось? Не знаю. Но мне почему-то хочется улыбнуться и сказать спасибо. Спасибо, что вы были. Было тогда и хорошее, и плохое.

В первом классе, помню, снегопад начался часов в одиннадцать, на улице потемнело внезапно, замолчало всё, и так же внезапно – повалило. После пятого урока все выбежали на улицу играть в снежки. И Яша был там, и Ёж, и Катя, и я. Я увидел свинцовое небо и густо-золотые разломы от солнца на нём. Такое же, как сейчас: счастливое и обещающее. Почему-то улыбнулся, улыбнулся этому небу и всему тому, что было, и тому, кто – был.